

ОТ АВТОРА БЕСТСЕЛЛЕРА
«СОТНИК ИЗ БУДУЩЕГО»

АНДРЕЙ БУЛЫЧЕВ

ТАЙНАЯ ВОЙНА

ЕГЕРЬ ИМПЕРАТРИЦЫ

3

Егеръ Императрицы

Андрей Булычев

Егеръ императрицы. Тайная война

«Автор»

2021

Булычев А.

Егерь императрицы. Тайная война / А. Булычев — «Автор»,
2021 — (Егерь Императрицы)

Третья книга авторской серии «Егерь Императрицы». К 1772 году Российская империя разгромила основные военные силы турок на Дунае и в Крыму, сожгла османский флот в Средиземном море и заняла большие территории. Во главе особой команды егерей, с отцовским штуцером в руках, Лёшка прошёл через десятки сражений и отдельных схваток. Он, уже подпоручик, пролил свою кровь в битвах и выслужил этот чин по праву. Но впереди особая, тайная война с врагами империи, с теми, кому не даёт покоя слава и усиление его Родины. И в этой войне, чтобы выжить, пригодятся все его умения и навыки, как из этого века, так и из далёкого будущего.

© Булычев А., 2021

© Автор, 2021

Содержание

Часть I	5
Глава 1. Гнев начальственный и справедливый	5
Глава 2. Секретный план	11
Глава 3. Шпион	14
Глава 4. К лесному хутору	18
Глава 5. Засада	23
Глава 6. Дома	29
Глава 7. Фугас	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Андрей Булычев

Егерь императрицы. Тайная война

Часть I

Шпионские войны

Глава 1. Гнев начальственный и справедливый

– Ать-два! Ать-два! Левой, левой! Ать-два! Ать-два! Левой, левой! Шире шаг! Носочек тянем, рядовой Федотов!

Вот уже третий час егеря особой команды разбрызгивали сапогами грязную и густую кашу на небольшой площади Бухареста.

– Лютует его благородий, хуже чем в гренадёрском батальоне гоняет своих солдат энтой шагистикой, – ворчал худощавый жилистый рядовой, прибывший к егерям с пополнением из охотников-пехотинцев.

– Разговорчики! Ты, Тарас, только что из полковой мушкетёрской роты к нам пришёл, а окромя балаболства ну никакого толку с тебя нет, даже вон строем ходишь, словно бы снулая утка! – поддел новичка подпоручик Егоров.

– Ещё раз я что-нибудь в строевой шеренге сегодня услышу, пойдёшь вон к нашему амениннику в напарники, а то ему там, поди, скучно одному!

– Ать-два! Ать-два! Левой, левой! Ать-два! Ать-два! Левой, левой! – и три десятка егерей, сопя и ругаясь про себя, опять зашлёпали по периметру импровизированного плаца. В центре же его стоял навтыжку сам «аменинник» всего сегодняшнего действия – Фёдор Лужин собственной персоной, или, как его все звали между собой в команде – Цыган. Два старших унтера, Макарыч с Карпычем, стояли подле него по бокам и строго следили, чтобы нога солдата с вытянутым носком держала бы ровную параллель и не опускалась бы книзу раньше положенного времени. Но, как видно, силов у Федьки было уже совсем мало, и он, негромко поскуливая, всё время срывал её вниз.

– Подними копыто своё, дурачина! Хватит уже здесь лоботрясничать-то на людях! – зло буркнул один из унтеров контролёров. – Из-за тебя, Федька, вся эта срамота тут нонче творится, так что и неча тебе здесь вот отлынивать, да ещё и скоморошничать перед нами.

– Всё равно никого не разжалобишь, колобродина! – добавил второй унтер. И Цыган опять с самым несчастным видом начал задирать свою ногу, обутую в короткий егерский сапог.

Сверху пошёл холодный мелкий дождь, серые шинели на солдатах быстро намокли и начали давить усталых хозяев своей тяжестью. Умаялись сегодня все изрядно. Издалека, со стороны главного штаба раздались, наконец-то, сигнал горна и барабанный бой, который с небольшой паузой подхватили затем в разных концах города. Подразделения расквартированной в Бухаресте Первой дунайской армии генерал-фельдмаршала Румянцева готовились к принятию пищи. Артельные кашевары с этой самой секунды имели полное право выставлять солдатские котлы для обеда или же выдавать сухарный и какой-либо другой провиантский порцион своему личному составу.

Наконец командир закончил счет, хмуро оглядел замерший на месте строй и махнул рукой Гусеву:

– Фурьер, всё, закончили на сегодня. Отбей сигнал «к трапезе». Команда идёт на квартиры!

– Жуй, жуй, шельма, – ворчал на осунувшегося от усталости и недосыпа Цыгана унтер Карпыч. – Тебе ещё две ночи свой самый дрянной караул нести. По себе знаю, как глазам перед зарёй худо, бывало, как сморгнёшь, а в них словно бы песком сыпануло. Закрывать их хочется, а ты не моги, иначе тут же сон сморит. Да и поделом тебе такое, Федька, это ещё мягко Ляксей Петрович тебя наказал, другой бы али выпорол вусмерть своего солдата, али бы его в арестантскую роту отдал, вот ведь где настоящие муки служивые принимают.

Проштрафившийся поперхнулся и, прокашлявшись, махнул рукой:

– Да знаю я, дядь Вань, сам во всём виноват, чё уж тут говорить! Мне вот перед обществом теперяча стыдно. Сколько же робята теперяча страдают из-за меня зазря. И надо же было так попасться, словно какой рекрут новобранец я влип, – и от неприятных воспоминаний смуглое лицо Цыгана сморщилось, словно от зубной боли.

– Ну вот ты не скажи, что зазря, – возразил ему тот пожилой унтер, что сидел на широкой лавке у печки и степенно черпал своей деревянной ложкой густое варево из большой глиняной плошки. – Зазря али попусту в этом мире ничего, братец, не бывает. Вот поглядят на тебя молодые солдатики, помаются хорошо сами, прочувствуется у них через ножки да через хребет вся тяжесть чужой провинности, и вдругорядь они сами же на такую-то дурь не пойдут. Правильно всё их благородие делает, распоясались уж у нас все без дела, разоспались на постое в эту непогодь, оттого-то вот и потянуло на озорство.

Ответить на слова Макарыча Федьке было нечего, и он молча уткнулся в миску, доскабливая её дно.

Командир особой егерской команды подпоручик Егоров стоял в это самое время по стойке «смирно» перед старшим картографом Первой дунайской армии, а по факту главным разведчиком на всём этом театре военных действий, полковником, бароном фон Оффенбергом. Стоял и своими круглыми пустыми глазами глядел молча поверх головы этого штаб-офицера на закопчённый потолок комнаты. Вот уже четверть часа шла выволочка у Лёшки от его высокого куратора, и возразить ему тут было нечего, егеря от долгого безделья, что называется, «расслабились». Успели они пару раз подраться с пехотинцами Выборгского полка, и капрал их, как дословно сказал Генрих Фридрихович, уже третий день из предназначенной ему для постоя избы на улицу не выходит, видать, синей своей мордой перед своим плутонгом не хочет светить. Затем, по его словам, они стащили большой полог с интендантства у Муромского полка. Скрали крепкого хлебного вина из лазарета Третьего гренадёрского. Ну а потом, небось, его весь на радостях и вылакали. И опять, и это уже в третий раз подряд, – в третий, повторюсь, Егоров! – они снова набили морду бедным унтерам всё из того же Выборгского пехотного.

Лёшка моргнул и, сбросив свой дурашливо-уставной вид, посмотрел с возмущением на барона:

– Не пили мои спиртуса, Вашвысокблагородие! Трезвыми они пехоте морды начистили, когда те к месту нашего квартирования заявились. Вот ей-богу, трезвёханькие все они как один были!

– Молчать! – рявкнул полковник. – Будешь говорить, только когда я тебе разрешу! Обнагтели вконец, от безделья дурью на постое маетесь?! В секреты и на кордоны вас! В караулы с комендантской ротой всех, чтобы склады и магазины армии охраняли! Так вы ведь и там всё разворуете, а с комендантскими передерётесь! Хотя куда вам! Они же вас затопчут, как кутят, «волкодавы», блин! Ещё особой командой егерей называются, а какой-то бродячий патруль чуть ли не раздел вас на улице!

Этого наговора Лёшка уже перенести не сумел и с откровенным возмущением уставился на его высокблагородие, сдерживаясь только лишь потому, как помнил, что ему здесь разрешения говорить ещё пока не давали.

– Лопнешь сейчас, чего надулся, словно индюк, а, Егоров? Ну и что я, по-твоему, тут не так сказал?

– Да всё не так, Генрих Фридрихович, простите мою дерзость, но всё вы здесь неверно сказали. Разрешите всё-таки объясниться по существу?

– Ну, валяй, – кивнул барон и, присев на большой стул, закинул ногу на ногу.

– Да, первые два раза драка в расположении Выборгского полка имела место быть. Но и то, затевали её не мои люди, – оправдывался с горячностью Лёшка. – Рядовой Афанасьев в сопровождении старослужащего Лужина направился в свою бывшую, третью мушкетёрскую роту Выборгского пехотного полка, для того чтобы забрать из неё все свои личные вещи. Просто ранее, перейдя из неё к нам, он этого сделать ну никак не успевал, ибо тогда наметилось большое дело под Вокарештами. Ну а потом мы преследовали разбитого противника до Журжи и выходили к себе обратно. И вот только теперь представился ему этот случай забрать своё. Но в бывшей роте Афанасьева встретили, мягко говоря, не ласково. Отдавать хозяину они ничего не захотели, и даже более того, унтерский состав пехотинцев из десяти человек попытался было набить морду просителям, и только лишь егерская сноровка помогла им вовремя отступить и избежать полного поражения на чужой территории.

Вторая схватка, произошедшая опять же на территории Выборгского полка, произошла часом позже, и закончилась она уже полной победой егерей. Честь особой егерской команды была восстановлена, имущество возвращено её законному владельцу, ну а то, что пехотный капрал получил хорошо по мордасам, так нечего было ему за боевое железо хвататься, когда сам разговор на кулачках только шёл. Я вот считаю, что за дело этот дурачок получил, – уверенно продолжал доклад Егоров.

– Ну-ну, – неопределённо хмыкнул Фридрихович. – Третья, стало быть, баталия с полковой пехотой уже опосля на самой вашей территории случилась?

– Так точно, Ваше высокоблагородие, – кивнул Лёшка. – Видно, не стерпев горького позора поражения, третья мушкетёрская привела с собой подкрепление из других, а более всего из своих первых гренадёрских рот, что были в каждом из двух батальонах полка. Перевес теперь был явно за атакующими, гренадёры-то мужики все здоровые, и дело бы могло закончиться скверно, но тут выручило высокое умение вести дипломатические переговоры, ну и вообще договариваться. Барабанщик команды, фурьер Гусев, выйдя перед двумя противоборствующими сторонами, разъяснил всем присутствующим все тонкости завязавшегося конфликта и показал, что пришедшие на чужую войну гренадёры могут теперь перед всей доблестной русской армией выглядеть, мягко говоря, в очень плохом свете. И вполне возможно, что им даже будет в дальнейшем отказано в высоком гостеприимстве и во всех других подразделениях этой справедливой и сплочённой русской армии. А как выход из всего этого скользкого дела он предложил им всё решить прямо тут же на кулачках, и, как это традиционно водится на Руси, честно: один на один, два на два, три на три, ну и так далее, как только самой душе будет угодно. Гренадёрское подкрепление третьей мушкетёрской роты сочло эти доводы весьма убедительными, и всё дальнейшее «общение» происходило потом на недалёком егерском полигоне возле озера. Особая команда егерей отшлифовала полученные ими ранее навыки рукопашного боя, ну а мушкетёры приобрели здесь для себя много нового, что потом им всенепременнейше пригодится в предстоящих схватках с настоящим противником нашей империи.

За дверью комнаты кто-то громко фыркнул, и барон, резко обернувшись, запустил в образовавшуюся дверную щель тяжёлое пресс-папье со стола.

– Два капрала, помимо того, про которого я уже ранее говорил, и ещё один унтер не могут исполнять свои служебные обязанности после этих вот ваших «высоких переговоров»! Тебе не кажется, Егоров, что вы слишком далеко зашли в этой своей сваре с выборгцами? Ну что, подпоручик, как сам-то ты думаешь?! Вот рапорт их командира, полковника Думашева, в котором он прямо указывает на тебя как на зачинщика всей этой ссоры, подрывающей боеспо-

способность всего подразделения нашей армии. Ведь именно с тебя-то, Алексей, весь этот конфликт там и пошёл, когда ты своего земляка из-под палок вытащил, а потом его и к себе в команду перевёл. Попутно же, кстати, запугав и унизив обер-офицера третьей мушкетёрской роты Мутьева Семёна. Подпоручик в срочном порядке был вынужден перевестись во вторую армию князя Долгорукова, не дожидаясь твоего возвращения из последнего вашего выхода. Ну, это ещё ладно, там он и сам был, похоже, не прав, когда завязывался ваш конфликт, и тому есть, кстати, видки. Но почему ты не погасил его, когда он уже перекинулся позже на твоих подчинённых? Я вот этого сейчас не могу уразуметь! А уж про полог Муромцев и про спиртус от врачей, тут я и вовсе ничего не понимаю! Твои егеря что, уже и красть военное имущество начали?!

– Никак нет, Ваше высокоблагородие! – аж задохнулся от возмущения Лёшка. – Полог мы не крали, у нас вон свои нашивы из тех ста целковых, что вы нам давеча дали для подготовки особого задания на Журжи. Не мои это, слово даю, Генрих Фридрихович, что не мои! А спирт да, спиртус брали, но только со спросом, просто я не хотел вам сразу говорить, чтобы этих врачей не подвести. Но коли вы уже и сами всё знаете, так поясню, что выменяли мы его за два карабина беслы, из тех, что захватили в последнем деле у выбитых всадников возле Дуная. Тот спиртус нам на дело был нужен. У каждого капрала и унтер-офицера моей команды помимо фляги для воды есть и особая небольшая фляжка с настоем из тысячелистника, коим они пользуют своих раненых на поле боя. Ни одна мерка не ушла из того спиртуса на постыдную пьянку, в том я сам вас твёрдо заверяю, ибо лично под сургуч запечатывал все сии фляги для своего же спокойствия. У рядовых егерей в ранцах и походных мешках сухой порошок из целебных трав есть, и каждый из них знает, как им пользоваться, и как им обрабатывать раны. У меня, господин полковник, ни один человек за всё время от санитарных потерь из команды не списан, а все выбывшие либо по увечью, либо после героической гибели на поле боя, – и коснувшись больной темы, подпоручик, насупившись, замолчал.

– Ладно, ладно, – смягчился главный картограф, – знаю я всё. Жалобу Думашева я заволокитил, у меня она здесь под сукном и останется и далее уже никуда не пойдёт. С мушкетёрами вы миритесь и более уже со своими не воюйте. И займи ты своих архаровцев делами посильней. Я всё понимаю и разделяю твоё горе, Алексей, ведь ты же для меня не чужой. Знаю, что ты за последние месяцы многих самых близких своих людей потерял. Но нужно жить дальше, нужно бороться и воевать. У тебя вон за спиной почти что четыре десятка солдатских душ стоит, а дай срок, так и гораздо более этого ещё будет. Война, Егоров, не кончилась, а только лишь разгорается, и матушке императрице будут нужны верные солдаты и офицеры, которые смогут поставить в ней точку. Заметь, подпоручик, – победную точку!

– Да я всё понимаю, господин полковник, – вздохнул Алексей. – Я в полном порядке, да и команда уже четвёртые сутки с себя дурь сбрасывает. С полигонов и с плаца вон не вылезает, чтобы опять нужную форму и боевую сноровку побыстрее набрать. Нам бы дело какое, а, Ваше высокоблагородие? Оно ведь всегда боевые подразделения спланирует.

Барон встал со стула и подошёл к расстеленной у него на столе карте.

– Дело ему подавай! Ишь ты! Может, целную операцию или баталию для вас специально затеять? Осень с зимой борется, Егоров! Сам понимаешь, пока весною все дороги не просохнут, тут в Валахии войскам никакого пути нет. До апреля месяца армия точно на зимних квартирах теперь осела. Но что-нибудь мы тут придумаем, может, какой-нибудь небольшой выход, чтобы прошупать турок на их восточном берегу, вам всё же и выпадет вскоре. Ты вон давай, с людьми своими занимайся, навыки свои особые оттачивай. Сам же вот мне, ещё когда создавалась эта команда, обещал, что за вас краснеть ни за что не придётся, – и он выложил перед собой на стол жёлтый погон. – С твоего, что ли, «волкодава» вырван сей клочок?

Кровь ударила в лицо подпоручику. Теперь-то стало понятно про то обидное высказывание о комендантской роте и о том, что какой-то там бродячий патруль чуть ли не раздел

на улице его бойца. Ну, Федька, ну негодник, такой срам! Знал Егоров про то, что его повеса хорошо «наследил» в свою последнюю шкодную ночь, когда пробирался от своей зазнобы обратно в команду из «самоволки». Но чтобы вот та-ак! И ведь не скажешь ничего, у каждого солдата русской императорской армии был погон на левом плече. Предназначался он для удержания от сползания портупей или перевязи патронной сумки, и был он у каждого полка своего цвета и плетения. Перед полковником же лежал погон, свитый из жёлтого гарусного шнура, точно такой же, какой носили солдаты Апшеронского пехотного полка, из которого-то в своё время и вышла особая егерская команда главного квартирмейстерства армии. Апшеронцы сейчас были под Журжи, стало быть, ответ на вопрос – чей погон был сорван «комендачами» в Бухаресте, был сейчас предельно ясен, и теперь Лёшка, стоя навтыжку, сгорал от стыда, глядя на такую весомую улику.

– Да ладно, Алексей, не казни себя, – пожалел молодого офицера полковник. – Ведь не взяли же всё-таки шельмеца-то твоего те патрульные. От пятерых аж он смог там отвертеться, причём никого даже рукой не задел. Так сказать, не посягнул, не дерзнул, не посмел покуситься на тех, кто при исполнении был! Значит, башка у него на месте, ну а коли так, то и до неё через его ноги всё равно ведь всё со временем дойдёт? – и он протянул погон подпоручику. – Ну, всё, давай, ступай, Егоров. Отдашь это своему волкодаву, – и он эдак иронично хмыкнул.

Три десятка рядовых при трёх капралах, унтерах и барабанщике застыли в одном общем строю на вечерней поверке. В воздухе прямо-таки витало тревожное напряжение, исходившее от всей этой массы солдат. Командир был опять не в духе, и это всеми явно чувствовалось. Половина из них уже получила свои замечания на традиционной проверке у личного состава оружия, амуниции и формы. Как ни готовились к ней служивые, но у кого-то из них на полке замка фузеи или штуцера находилась малая крупинка порохового нагара, где-то на пистоле был плохо закреплён кремёнь курка, а на ножнах сабли или штыка-кортика ослаб крепёж, да мало ли чего можно было найти при большом желании у служивого. И теперь все ждали очередной выволочки и следующего дня шагистики под барабанный бой.

– Рядовой Лужин! – тихим и каким-то сухим голосом вызвал подпоручик вечного виновника команды.

– Я! – громко выкрикнул Цыган, и его смуглое лицо аж побледнело. Такой тон командира не предвещал ничего хорошего. «Лучше бы он кричал, топал ногами, но не вот так, как сейчас, – думал Федька, делая шаг вперёд. – Ох и худо!»

– Ко мне!

И егерь, выйдя из первой шеренги, застыл, вытянувшись перед командиром:

– Ваше благородие, рядовой Лужин по вашему приказанию прибыл!

Алексей внимательно, как будто бы в первый раз и словно не узнавая, оглядел вызванного им егеря.

– У тебя, Лужин, погон на плече не тот, не свойский это у тебя погон! Вот держи, егерь особой, лучшей во всей армии команды стрелков, держи свой родной, свойский погон. Комендантские его тебе просили передать, – и подпоручик негромко скомандовал: – Кругом!

Федька развернулся и застыл перед солдатским строем. Тридцать шесть пар глаз глядели на него сейчас в упор, и хотелось сквозь землю провалиться, но не стоять вот так вот перед своими сослуживцами.

– Рядовой Лужин за утерю военного имущества, неprovорность, личную недисциплинированность и подрыв всеобщего уважения к команде переводится из разряда штуцерников в фузейщики. Своё нарезное оружие он сдаёт фурыеру Гусеву для постановки его в оружейный резерв команды и назначается сим днём в ряды кашеваров. В намечающемся для нас деле видеть его я пока не желаю, думаю, что по хозяйственной части ему у нас будет гораздо лучше!

– Встать в строй, рядовой кашевар! – с какой-то издёвкой в голосе гаркнул Егоров, и поникший Цыган зашёл на своё место. Хуже этого дня у него в его яркой и насыщенной жизни, пожалуй, что и найти-то было сложно.

– Ну а для всех остальных, настоящих, боевых егерей нашей особой команды (слово «особой» подпоручик выделил) я хочу сказать, что шагистика у нас заканчивается, и мы, братцы, начинаем готовиться к настоящему делу. Какое оно будет, я пока вам не скажу, потому как сам его ещё не ведаю. Но вы уже и так знаете, что простые дела нам командование не поручает. В общем, будем готовиться ко всему серьёзно. Ну а Лужин, пока мы там будем в деле, присмотрит здесь за всем нашим имуществом. Так ведь, Фёдор Евграфович?

Из строя в ответ раздалось какое-то нечленораздельное мычание.

– Всё, команда, всем готовиться к ужину и ко сну! Разойдись!

Глава 2. Секретный план

– Ну что, Егоров, не расхотел ещё в осеннюю слякоть грязь месить? – поинтересовался у подпоручика фон Оффенберг.

– Никак нет, господин полковник, – уверенно тряхнул головой егерь. – Отдохнули уже, и даже, пожалуй, что лишка! Хорошо было бы теперь и прогуляться.

– Ну-ну, – усмехнулся его куратор. – Тогда слушай меня внимательно. Рассказываю и ставлю тебе задачу лишь при одном свидетеле, коего тебе представлять уже не нужно, – и сидящий за столом секунд-майор солидно кашлянул. – Дело, поручаемое тебе, весьма тайное, оттого и такая скрытность будет по нему. Ты знаешь, что в нашем штабе скрытно работает вражеский шпион. Уже два года к врагу утекают совершенно секретные сведения, а наши команды и дозорные отряды попадают в засады, и были даже случаи нападения на фельдъегерей с пропажей важнейших документов. Все операции и выходы наших войск в последнее время проводились с учётом этого, чтобы хоть как-то ввести в заблуждение противную сторону. Всё это ты и так хорошо знаешь, и сам же помогал нам в этих делах. Теперь же пришло время плотно заняться самим шпионом и выкорчевать его вместе со всей имеющейся у него агентурой. Господин Баранов со своими людьми провёл огромную работу по его выявлению, и теперь осталось лишь последнее дело – это произвести захват негодяя вместе со всеми его подручными. И самое лучшее, если мы это совершим на горячем деле, выманив его из нашего штаба, не дав уничтожить все свои важные документы и не дав ещё и оборвать все концы с агентурой. План у нас будет такой. Мы ждём одного нашего человека со сведениями особой важности с той стороны Дуная. Эти сведения стоят столь дорого, что ради них Военная коллегия из Санкт-Петербурга уже трижды присылала секретные бумаги с реляциями: встретить, принять и незамедлительно переправить все эти бумаги в столицу, причём самой срочной фельдъегерской почтой. Наш человек знает очень много про секретные переговоры, кои ведутся между Австрией и Блистательной Портой, и турки не пожалеют никаких средств, лишь бы перехватить его и забрать те бумаги, которые могут быть при нём, ну или хотя бы уничтожить его вместе со всеми документами. Именно ради этого особо важного дела и может раскрыться тот вражеский шпион, коего мы так долго здесь устанавливали. Баранов и его люди уже отследили, как после двух последних бумаг из нашей Военной коллегии его гонцы из Бухареста спешно уходили в сторону турецкой Силистрии. А это говорит нам о том, что противник заглотил нашу наживку, и значит, мы пока всё делаем сейчас правильно.

Послезавтра к ночи в штаб примчится запыхлённый гонец из Журжи и доложит, что у него особо важный пакет для главнокомандующего. С ним же будет и наш «человек из-за реки». В его роли выступает один из людей майора Баранова.

При этих словах «контрразведчик» армии, внимательно вслушиваясь в рассказ барона, утвердительно кивнул, тем самым подтверждая всё ранее здесь сказанное.

– Генерал-фельдмаршал соберёт малый совет квартирмейстерства армии, где объявит о том, что с той стороны реки прибыли особо важные сведения, коих они все так сильно в последнее время ждали, и нужно незамедлительно переправить их в Военную коллегия столицы, – продолжил доведение плана фон Оффенберг. – В штабе армии, как обычно, поднимется суeta, вытащат срочно из постелей всю канцелярию, подготовят в великой суматохе фельдъегерскую почту, протянут, как у нас водится, со всем этим до самого утра и с небольшим сопровождением наконец-то отправят эту курьерскую карету в сторону Фокшан, ну и далее почтовым трактом в направлении Санкт-Петербурга. Думаю, что по дороге её уже будут встречать и отбивать нашего тайного человека и все его бумаги те люди турецкого шпиона, которых он для этого соберёт. Учитывая, что эти бумаги для осман представляют особую, крайнюю важность, наши

враги пойдут на всё, чтобы только завладеть ими. Теперь осталось только хорошо подумать, где они и как вас будут встречать. Какие мысли у вас на этот счёт, Сергей Николаевич?

Баранов поднялся и, солидно прокашлявшись, изложил свои доводы:

– Учитывая, что мы уже установили вероятного шпиона из наших канцелярских работников и вскрыли некоторые его связи со своими подельниками, – и он сделал паузу, – думаю, что встречать карету нападающие будут верстах в пяти-десяти от Бухареста в тамошнем лесном массиве. Бить карету они станут вряд ли, всё-таки там сидит нужный им человек с секретными бумагами, и он нужен будет им позарез живым для того, чтобы предъявить его османскому командованию и получить от него большие премиальные, да и рассказать под пытками он тоже может много чего интересного. Так что, думаю, вражеский отряд выбьет всю нашу внешнюю охрану из сопровождения и из наружных фельдгегерей, не трогая саму карету. Ну и, собственно, вот тут-то как раз таки и будет дело за командой Егорова.

Секунд-майор с полковником оба обратили свои взгляды на нахмурившегося егеря.

– Что-то не так, Егоров, уж больно вид у тебя какой-то смурной? – хмыкнул барон. – Или слишком рискованное дело для твоих ребят? Говори уж сразу, чего тебе в нашем плане-то сейчас не понравилось?

Лёшка покачал головой:

– Да план-то хорош, Ваше высокоблагородие. Задумка как собрать всю эту мерзость в одном месте у вас просто великолепная. Понятно, что они там всех соберут, лишь бы им завладеть такими серьёзными бумагами и этим важным человеком. Но мы же вот так напрочь списываем всех тех, кто будет охранять курьерскую карету снаружи. С этим-то как быть? Я бы очень не хотел класть там своих людей.

Фон Оффенберг приблизился вплотную к Алексею и пристально взглянул в его глаза:

– Нужно будет жизнь за державу отдать, так и ты, и я, и Сергей Николаевич, все мы, как ты только что тут выразился, «её покладём»! И твои егеря в том числе, господин подпоручик, тоже, коли будет нужно, так же как и все лягут! Мы присягу приносили матушке императрице и поклялись защищать её и свою страну, живота своего не жалея!

Кровь бросилась в лицо Лёшки, и он, не отводя глаз, чётко выговорил барону:

– Я, Ваше высокоблагородие, смерти не боюсь, не впервой, поди, уже мне умирать! И я, наверное, не давал вам повода усомниться в своей личной храбрости и в храбрости своих егерей. Будет приказ, так пойдём умирать спокойно, но умереть мне бы хотелось так, чтобы забрать с собой как можно больше врагов! А если получится и будет такой шанс, так победить, остаться жить и отправлять их и далее на тот свет. Я против глупой и поспешной смерти, господин полковник. Но повторяюсь, присягу свою мы исполним беспрекословно, приказывайте, как нам нужно будет умереть! – и Лёшка вытянулся в струнку.

Сбоку громко фыркнул Баранов, и улыбка скользнула по лицу фон Оффенберга:

– Какие мы горячие-то, а? Смотри, Сергей Николаевич, наш бравый подпоручик уже и умирать собрался. Никто в твоей храбрости и в храбрости твоих солдат не сомневается, Алексей. Так же как и в верности присяге, и в беспрекословном подчинении приказам, – последнюю фразу барон, сузив глаза, выделил отдельно. – Во внешнем охранении будет десяток из арнаутского полка. Далеко позади пойдут гусары, драгуны и большая часть твоей команды, так, чтобы не насторожить врага. На карете в козлах будут сидеть кучер с младшим фельдгегерем. Твоим же лучшим солдатам надлежит схорониться в самой карете. Помню я, как вы лихо действовали в Крыму, когда там шли переговоры с татарскими мурзами. Глазом мы не успели моргнуть, а вы уже выскочили и к бою изготавились. Вот и сейчас, в этом деле, ваши навыки как раз таки нам и пригодятся. Кого сажать в карету, ты думай сам. Как действовать, тоже обмозгуй и посоветуйся с господином майором, он, кстати, тоже с вами там будет, ему и надлежит постараться взять шпиона живым, ибо только лишь Сергей Николаевич про его личность знает, даже я не посвящён во все тонкости этого дела. У меня всё. Мелочи вы обго-

ворите уже с ним наедине. Об одном лишь вам напомню, от того, как мы с вами сработаем, будет зависеть, сколько жизней своих солдат сэкономим. Помни, Егоров, на хорошем шпионе целые кладбища из вражеских воинов висят. А этот гад нам уже очень много крови стоил. Обезвредьте его, господа!

– Так точно, Ваше высокоблагородие! – щёлкнул каблуками сапог Егоров. – Разрешите исполнять?

– Давай, давай, Алексей, хватит уже тут грязь растрясывать. Мне на доклад к командующему пора. Дальше вы уже с Барановым всё, что вам нужно для дела, обговорите.

Глава 3. Шпион

Вот уже третий час как тряслась внутри кареты засадная партия из егерей и главного контрразведчика армии с его подчинённым, играющим роль «человека из-за реки». Восьмёрка лучших лошадей тянула фельдъегерскую карету с максимально возможной для неё скоростью. Осенняя дорога вся была в рытвинах и ухабах, и казалось, что это не особая, служебная повозка, а какой-то кусок грязи прыгает по разбитому осеннему тракту. Что было с сидящим на козлах кучером и фельдъегерем, даже представить было страшно, но и внутри неё тоже было несладко. Для семерых человек места в ней было явно мало, и на спинах да на боках егерей появился уже не первый и даже, пожалуй, что и не третий синяк или ссадина. Главное, все берегли оружие. Только лишь в его идеальном боевом состоянии и в отточенных навыках егерей было сейчас спасение для всех. Предстоящая схватка с неизвестным врагом должна была проходить молниеносно, и егеря прижимали к груди свои укороченные фузеи, оберегая, словно зеницу ока, их капризные ударные замки.

– Точно клюнули «эти», Сергей Николаевич? – задал Лёшка волнующий всех вопрос у самого старшего всего этого «дела».

Карету сильно тряхнуло, и Баранова кинуло на Ваню Кнопку. Офицер коротко ругнулся и поправил на поясе драгунские пистолеты.

– Клюнули, клюнули, а то как же, подпоручик! Два гонца от их шпиона ночью ушли, один за реку, на Силистру спешно рванул, как видно, за подмогой. А второй собирать команду для нападения уже здесь, на тракте, ускакал. Вот-вот это уже должно случиться, им же резона далеко нас перехватывать нет, нужно ведь и за Дунай успеть переправить захваченного человека со всеми его бумагами. Движение кареты замедлилось, и впереди раздалось какие-то выкрики.

– Что там? – Баранов выпрямился и откинул полог, закрывающий переднее окошко, выходящее к кучеру.

– Да пара кибиток на дороге сцепились, видать, разъехаться не смогли, по бокам-то ведь от нас лес. Да вы не волнуйтесь, Ваше высокоблагородие, возле них служивые в нашей форме крутятся, – успокаивал офицера здоровенный усатый фельдъегерь.

Лёшка насторожился и, выглянув в дыру возле двери, щёлкнул курком фузеи. Вся команда егерей последовала вслед за своим командиром.

На лесной дороге с десяток человек в форме русских пехотинцев, при своём капрале, с громкими криками пытались растянуть в стороны две крытые повозки, застрявшие в большой луже. Место действительно было очень неудобным, с одной стороны тракта была заросшая кустарником ложбинка, а с другой к нему подступал густой буковый лес. Весь арнаутский десяток из конного пикинерного полка, что был выделен для сопровождения фельдъегерей, стоял уже возле повозок. Капрал пехотинцев о чём-то коротко переговорил со старшим этого десятка, сверкнула, переходя из рук в руки, серебряная монета, и арнауты, шустро спрыгнув с коней, облепили обе повозки, пытаясь выдернуть их из грязи.

Бах! Неожиданно раздавшийся выстрел сбил наземь единственного оставшегося верхом командира пикинеров и, как видно, послужил общим сигналом для нападения на конвой. Возле повозок раздалось несколько пистолетных хлопков, и сверкнула сталь клинков. К фельдъегерской карете выскочила из лесных зарослей дюжина разношёрстно одетых и что-то орущих на турецком и на валашском языке мужиков. В руках у многих из них были пистолеты и сабли, а парочка так и вовсе бежала с пехотными фузеями наперевес. Всеми ими, похоже, сейчас заправлял человек в мундире русского унтер-офицера. В его руке дымился драгунский гладкоствольный карабин, как видно, выстрел из которого и послужил тем сигналом к атаке.

– Koçlara ateş etmeyin! Arabadaki herkesi canlı götürün! Muhafızları kılıçlarla yenin! (Не стрелять, бараны! Всех в карете живыми брать! Охрану саблями бить! – тур.) – проорал он, и Баранов, пристроившийся возле Лёшки, радостно зашипел: – Ну вот ты и попался, голубчик! Этого надо взять, Алексей, действуйте, егеря!

Дальше уже время полетело стрелой. Бах, бах! – разрядил с кучерских козлов в подбегающих оба своих пистолета усатый фельдъегерь. Лёшка первым выкатывался из двери кареты и краем глаза заметил какое-то мелькание в прилегающих к дороге кустах.

Бум! – сухо хлопнул выстрел из нарезного оружия, и фельдъегерь, пробитый пулей, свалился с кареты. Бах! – Лёшка, стоя на корточках, разрядил фузею в первого подбегающего. Он резко выпрыгнул вперёд и круговым движением со всего размаха влепил прикладом ружья по голове следующего атакующего.

Бах! Бах! Бах! – раздались частые выстрелы высыпавшей из кареты и уже развернувшейся для боя команды.

Бабах! Бабах! – сработали обе гранаты, выброшенные в сторону запутавшихся повозок. Там раздался истошный вой и стенания. Обе повозки разом расцепились, и обезумевшие от страха, посечённые осколками кони, давя и сшибая людей в солдатской форме, ринулись в разные стороны.

– Этого живым брать! Стоять, Уткин! – проорал Баранов и, пригнувшись, бросился к руководившему нападением унтеру.

«Точно, так это же сержант из нашей армейской канцелярии, ну и гнида!» – подумал Лёшка и, бросив в грязь свою треснувшую в прикладе фузею, разрядил оба пистолета в мечущихся врагов. Те же, сами превратившись разом в жертву, как видно, совершенно ошалели от всего здесь происходящего и, потеряв в первую же минуту боя половину людей, теперь только и помышляли, как бы им поскорее сейчас скрыться с этого опасного места.

Унтер развернулся и побежал к зарослям.

– Стой тебе говорят, не уйдёшь, стой, Уткин! – Офицер-контрразведчик выстрелил поверх его головы из пистоя. Предатель пригнулся, и Баранов бросился вперёд. Бах! Бах! – раздались два выстрела из придорожных кустов, и обе фигуры свалились на землю рядом. Секунд-майор поднялся и на четвереньках подполз к шпиону. У того во лбу зияло большое входное отверстие, затылочную же кость у него полностью вышибло пулей.

– Ванька, за мной, – Егоров пронёсся мимо Баранова со своим самым маленьким егерем Ваней Кнопкой. Впереди был враг, который лишил их такой вожаемой добычи, шпиона, ради которого это всё здесь и затевалось.

Пробегая мимо куста с утоптанной возле него землёй, Лёшка заметил лежащую в опавшей листве гладкоствольную фузею и пистолет.

«Скидывает оружие, гад! Налегке хочет уйти! Странно, но ведь самый первый его выстрел был из штуцера, я не мог его спутать с фузейным. Никак не должен он успеть перезарядиться, времени бы ему просто на то не хватило», – думал Лёшка, скользя между буковыми стволами.

– Ваня, возьми чуть левее! – отдал он приказ бегущему за ним следом солдату. – Рядом он должен быть, опытный волк, ты осторожнее только с ним будь!

Егеря разделились. Отпечатков подошв на земле не было, под ногами была молодая поросль, старые стволы деревьев и сбитые ветром ветки. Листвы на кронах уже практически не было, и обзор в лесу сейчас был хорошим.

«Ну где же ты, где? Я чувствую, что он должен быть где-то совсем рядом! Только вот где?» – тукала в голове мысль.

Бум! С левой стороны раздался недалёкий пистолетный выстрел, а за ним и короткий вскрик. Лёшка перехватил поудобнее свою саблю и ринулся на звук. В небольшом лесном про-

галке между двух огромных буковых стволов над лежащей на земле зелёной фигурой склонился человек в офицерской треуголке и со штуцером поверх плаща-епанчи.

Под ногами у Лёшки хрустнула ветка, и человек в русском мундире медленно повернулся к Егорову.

– Опять это ты, неугомонный! – с хрипотцой протянул офицер. – Всё никак не успокоишься, всё лезешь везде, мальчишка. – На Егорова со злой улыбкой глядел капитан Светильников.

Всё мгновенно сложилось в голове у Алексея. В канцелярии главного квартирмейстерства армии работали два турецких агента. И этот, находясь в должности старшего над всеми писарями, имел свободный доступ ко всем особо важным документам. Похоже, он-то и был главным агентом турок, а этот унтер Уткин был уже у него подручным, нужным для исполнения своих тайных и хорошо продуманных дел. Уткина он сейчас убрал, и теперь, для того чтобы скрыться, ему осталось лишь убить Лёшку, ибо только он его видел, не считая Кнопку. Ваню Кнопку, которого он только что здесь убил.

Тело среагировало на подсознательном рефлексе. Пистолетная пуля обожгла его левый бок именно в тот момент, когда Лёшка выпрыгнул резко вправо. Хороший стрелок! Навскидку бил стоя на корточках, даже и не целясь!

Капитан отбросил в сторону разряженный пистолет, вскочил резко на ноги и, скинув с плеча штуцер, крутанул своей карabelой:

– Зарядиться я не успел, уж прости, Егоров. Ты же штуцера любишь, его пуля бы тебе как раз подошла! Ну да ничего, и твоя карabela не хуже штуцера будет, не зря же ты мне её подарил, – и он, улыбаясь с издёвкой, пошёл на Лёшку.

Фехтование холодным оружием было у Алексея самым слабым боевым навыком. Те наработки, что он уже приобрёл, не шли ни в какое сравнение с умением капитана биться длинным клинком. Это было очевидно обоим, и в глазах Светильникова уже читалось торжество.

Секунда, и из раскрытого кармашка швырковые ножи легли в ладони егеря. Светильников, ринувшись вперёд, делал замах, а Лёшка, падая назад на спину, уже послал ножи в капитана. В семи шагах от хозяина оба клинка резанули живую плоть, а он сам, крутанувшись на земле, уже стоял в трёх метрах от того места где остро отточенная сабля вспорола землю. Алексей отступил ещё немного назад и достал из ножен своё последнее оружие – гольбеин, больше у него ничего, не считая двух разряженных пистолетов, не было. Его гусарская сабля лежала там, где замер с опущенной к земле карabelой капитан.

Светильников простонал и выронил свой клинок. Он попробовал сделать шаг в сторону, но его левая нога подломилась, и капитан как-то неловко, боком, упал на землю. Из его правого предплечья и из левой лодыжки торчали, вызывая страшную боль, небольшие кованые ножи.

– С..ка, я тебя убью, щенок! Я вас всех резать буду. А-а-а-а! – и он, попытавшись выдернуть сталь из раны в руке, истошно заорал. – Больно!

– Лежи, не дёргайся, мразь. Иначе кровью истечёшь и прямо тут же, в грязи, сдохнешь! – Лёшка пнул в сторону карabelу и свою гусарку. Помогать врагу он пока не хотел, пусть пока лежит и думает, как ему жить дальше или как умирать. Всё равно он уже больше не боец. В первую очередь Егорова волновала сейчас судьба Вани.

Лешка, подбежав к деревьям, опустился на колени перед егерем. На груди его зелёного доломана виднелась пробоина с кровавым подтёком, но умер Кнопка не от пули, шея солдата была перерезана. Как видно, Светильников подстрелил, а затем добил Ваню уже лежащего, и, наверное, как раз в этот самый момент к ним-то и выскочил Егоров, заслышав пистолетный выстрел. Возле егеря лежал тульский штуцер, машинально схватив его, Лёшка проверил оружие. На полке замка был уже засыпан порох, курок стоял на предохранительном взводе, а в глубине ствола виднелась не добытая до основного заряда пуля. Буквально минуты не хватило капитану, чтобы дозарядить своё нарезное оружие.

«Вот гад, за это время раз пять мог бы из своей фузеи пальнуть, но ведь он время тратил именно на зарядку винтовки, – подумал со злостью Егоров. – Как видно, ему позарез был нужен один, особенно точный выстрел. Пристрелить гада, и вся недолга, сколько народа из-за него уже легло! И Ваня, его Ванюшка, с кем они прошли столько боёв и тревог. А ну как вывернется мразь, выторгует себе жизнь в обмен на особые сведения! Такой вполне может...»

Пуля забита до предела, Лёшка взвёл курок кремневого замка на боевой взвод и подошёл к капитану. Тот, лёжа и постанывая на земле, смотрел на егеря мутным полуобморочным взглядом. Подпоручик направил ствол в голову предателя и положил палец на спусковую скобу. Светильников прикрыл глаза и замер.

«Нет, не могу, не могу я вот так! – ругал сам себя Лёшка. – Нужно было его во время схватки кончить, а не так вот, лежащим и беспомощным. Не палач я, не то воспитание, блин! Хоть бы приказ был его ликвидировать, что ли!»

Но приказ был взять шпиона живым, а коли Уткина они уже потеряли, то капитана нужно было оставлять. Лёшка глубоко вздохнул, перевёл курок штуцера на предохранительный взвод и перекинул его на ремень через плечо.

– Руку давай сюда, гад!

Кровоток ран он перекрыл, перетянув конечности выше пробоин теми импровизированными матерчатыми жгутами, что всегда были у любого егеря команды, и уже потом вырвал из них швырковые ножи. Светильников вскрикнул и потерял сознание.

– Ничего, такие просто так не умирают, тебе ещё предстоит петь долгую песню у нашей контрразведки, капитан. Всё там, гад, расскажешь, перед тем как к стене встать, – бормотал Лёшка, обрабатывая и бинтуя раны чистой материей.

– Вашбродь! Ляксе́й Петро́вич! – послышался отдалённый крик нескольких знакомых голосов.

– Здесь я, сюда ступайте, братцы, – откликнулся Егоров. – Макарыч, сюда!

Через пять минут подле лежащего на земле Вани стояли со снятыми картузами четыре егеря.

– Э-эх, Ваня, Ваня. Не уберётся паря, а ведь такой шустрый и ловкий солдат был. Ещё их Сиятельство наш главнокомандующий на награждении после первого выхода на Журжу сказал, мал, дескать, да удал паренёк, а вот гляди же, как вышло, – и бывалый сержант с проседью на висках покачал головой. – А с этим-то чего делать? – и он, нахмутив брови, кивнул на Светильникова.

– Потап с Осипом, вы выносите Кудряша. Ну а вы, Макарыч, вместе с Живаном несёте этого, – распорядился подпоручик. – Чтобы живым только его до командования доставить. На нём тысячи жизней наших солдат уже висят, и за каждую с него нужно спросить. Нельзя ему просто так умирать, Макарыч, ну никак нельзя, дядь Вань, – и он посмотрел внимательно на старого егеря.

– Да знамо дело, что уж мы, совсем теперяча без понятия? – протянул в ответ Дубков. – Доставим целехоньким его, даже не сомневайтесь, Ваше благородие.

Глава 4. К лесному хутору

Возле места недавнего боя на тракте царила рабочая суета. Гарцевали на конях гусары ахтырцы. Сновали по обочинам и по ближайшим к дороге зарослям спешенные драгуны. Вот двое из них за ноги и за руки вытащили из кустарника тело в солдатской епанче и перевернули его вверх лицом.

– У-у басурман! И морда-то у него турецкая! На нашего мужика-то ну никак он не похож! – проворчал молодой высокий драгун.

– Да ты под епанчу-то его глянь, Петро! У них же там у всех своё одеяние вместо мундира, так, лишь бы прикрыться сверху от первого взгляда, – посоветовал солдату драгунский капрал и крикнул свободной паре: – Туды идите, там за деревом ещё один лежит в нашей форме, без затылка. Сюды давайте, к его высокоблагородию тащите оно!

– Да толку-то, я его уже всего осмотрел. Всё, мертвец он уже, никакого спроса теперь с него нет! – и Баранов, дёрнув в сердцах рукой, вскрикнул. На правом его плече виднелся кровавый подтёк. Задание было практически провалено, взять живым шпиона не удалось, и с его смертью многие концы турецкой агентурной сети теперь просто-напросто обрывались. Нужно было думать, что он скажет главному квартирмейстеру армии и представителю от военной коллегии.

– Вашвысокоблагородие, господин майор, принимайте работу, – вышедший из леса егерский офицер устало кивнул за спину. За подпоручиком топали две пары солдат, тащивших какие-то тела. От переносимого первой парой послышался громкий стон.

– Что такое, вы кого там из леса несёте, Егоров,? – вскочивший на ноги Баранов застыл, напряжённо всматриваясь в подходящих.

– Да вы сами гляньте, господин майор!

Первая егерская пара положила перед «контрразведчиком» человека в окровавленном мундире офицера русской императорской армии. На его груди блестел капитанский горжет. Раненый опять застонал и открыл глаза. На Баранова смотрел старший всего делопроизводства Первой дунайской армии капитан Светильников собственной персоной.

– Что-о?! – глаза майора широко раскрылись. Он в изумлении взглянул на Лёшку. – Этот-то как тут оказался?!

– Да так же, как и его сподручный, Ваше высокоблагородие. Одного поля они ягоды, только вот ягоды эти волчьи, – сплюнул со злостью егерь. – Ваню Маленького моего убил, гад, да и мне слегка шкуру оцарапал. Вы извиняйте, Ваше высокоблагородие. Не смог я его в целости и в сохранности к вам доставить, искусным в деле смертоубийства сей оборотень оказался. Непременно бы меня кончил, да видно вот Бог сберёг. Ну и ножички, конечно, пригодились, – и он погладил небольшой кожаный чехол, висящий на поясном ремне.

Баранов уже был около Светильникова. Быстро проверил наложенные на раны повязки и матерчатые стягивающие конечности жгуты. Похлопал капитана по щекам и задрал веко у закрытого глаза.

– Смурной он совсем, Лёш, видать, кровью хорошо истёк. Боюсь, не дотянет с такими-то ранами до Бухареста.

– Этот-то? – фыркнул Лёшка. – Да он сейчас больше придушивается, чем есть на самом деле. Ещё как дотянет! С пару неделек отлежится и как козлик скакать будет, в оба глаза придётся за ним глядеть, кость-то у него целая, – Алексей снял стягивающие конечности жгуты и с удовлетворением оглядел повязки. – Всё, кровь остановили, можно уже паковать в карету гада!

В это время к ним подбежал тот подручный Баранова, что исполнял ранее роль «человека из-за реки».

– Сергей Николаевич, я там наскоро допросил тех троих, что мы на дороге живыми взяли. Так один из них, который в нападении на араутов играл роль нашего капрала, посвящённым в планы этих оказался, – и он кивнул на дюжину застывших на земле фигур. – Они меня с бумагами должны были на хутор лесника доставить. Говорит, что это недалеко отсюда, чуть дальше по тракту перед Урзечени будет поворот направо и далее лесной дорогой ещё часа два ходу. Говорит, на хуторе этом у них человек пять всего осталось, все остальные здесь при деле были. Так вот именно на этот хутор и должна прийти подмога из-за реки, чтобы забрать меня с бумагами, ежели у них тут всё как надо выгорит. Что делать-то будем, может, наших драгун и ахтырцев им на перехват вышлем?

Баранов немного подумал и обратился к командиру егерей:

– Егоров, как скоро твои люди сюда подтянутся?

Лёшка прикинул и пояснил старшему офицеру:

– У меня ведь не конница, господин майор. Такой верховой подготовки, как у ахтырцев или у тех же драгун, нету, да и одолженные кони их не знают. Думаю, что на полчаса и даже на чуть больше от них мои ребятки отстали, там ведь и равнение по самому слабому в дороге идёт. Но ещё немного, и, пожалуй, уже можно будет ждать егерей.

– Тогда делаем так, – принял решение Баранов. – Я беру Светильникова и под охраной драгунской сотни везу его в Бухарест, в главное квартирмейстерство. Ты рассаживаешь своих людей по двум захваченным крытым кибиткам и с моим человеком, да, вот с этим ряженым капралом, двигаешься на лесной хутор. Забираешь его у тех пятерых разбойников, что в нём остались, и садишься со всей своей командой в засаду. Вам в помощь будет сотня гусар из Ахтырского полка во главе с ротмистром Гущинским, с кем ты уже и так хорошо знаком. Расположите её в укромном месте недалеко от хутора, ну а дальше уже действуйте по обстановке. Всё это нужно делать быстро, сам понимаешь, протянем время или спугнём турецкую подмогу раньше, чем нужно, только мы её тогда и видели. Хорошая конница у них воевать прекрасно умеет, не мне об этом тебе рассказывать.

– Да уж, – кивнул головой Лёшка. – У меня и у моих ребят с некоторой её частью есть свои личные счёты!

– Ну вот, глядишь и сочтётесь. Плохих джигитов турки сюда не пошлют, слишком уж тут важное дело для них. Ладно, вы здесь с моим человеком пока сами всё обговорите, а мне этого везти нужно, – и Баранов брезгливо кивнул на лежащего у куста Светильникова. – По дороге твоих встречу, подгоню их, чтобы они быстрее сюда двигались.

В фельдъегерскую карету загрузили пленного капитана, в неё же влез сам Баранов и ещё один спешившийся драгунский офицер.

– Пошли, родимые! – громко гаркнул кучер, щёлкая кнутом, и повозка в окружении конного конвоя рванула в южную сторону.

– Ну что, будем по-настоящему знакомиться или и дальше будем в тайны играть? Как-никак нам скоро опять в бой идти, да и начальство вон наше уехало, – Лёшка сидел на корточках напротив человека Баранова и орудовал шомполом в стволе трофейной фузеи.

Тот посмотрел внимательно на Лёшку, усмехнулся и, встав с подстилушки, представился, хлопнув по сырой земле каблуками: – Поручик Озеров, Михаил Александрович, главное квартирмейстерство Первой дунайской армии, для друзей можно – Мишель, ну, а уж для самых близких – Мишка.

Лёшка прислонил к дереву ружьё, так же манерно, как и его собеседник, топнул подошвами своих коротких егерских сапог и улыбнулся: – Подпоручик Егоров Алексей Петрович, особая егерская команда главного квартирмейстерства, для друзей можно просто – Алексей, ну а для самых близких – Лёшка. Не видал я вас при штабе, Михаил, наверное, не часто там бываете?

– Это да, я там крайне редко бываю, такая уж у меня служба, – подтвердил Озеров. – Да и вы там, сказывали, не частый гость?

– Всё верно, от начальства подальше, а к кухне поближе, – усмехнулся Лёшка. – Ну что, скоро мои егеря прискачут, будем по двум кибиткам рассаживаться и в путь? Думаю, по человеку пять в каждую, если хорошо потеснимся, смогут влезть?

– Да нет, Алексей, если вы, конечно, позволите мне вас так называть. Одну кибитку из двух трофейных после взрыва гранаты лошади в овраг на всём скаку вынесли, там у неё переднюю ось всю напрочь вырвало. Да ещё и коней хорошо осколками посеколо, ладно хоть они вторую собой заслонили и на себя всё приняли. Та же, другая, недалече среди деревьев застряла, и вроде как серьёзных повреждений у неё нет. Так что у нас теперь только лишь одна повозка для дела осталась.

– Ну что же, Мишель, придётся опять, как вот только что, давеча, рисковать, – вздохнул Егоров. – Главное, это первые секунды выиграть, пока там нас не опознали. А этот капрал ражженный захочет ли нам помочь?

– А то как же, – усмехнулся Озеров. – Он ведь из дезертиров сам, и действительно бывший капрал Новгородского полка, после ранения и сражения под Браиловым, вот уже год как на вольных хлебах промышляет. А в эту шайку, сказывает, только этой весной прибилсь и уже два раза со своими поделниками на наших егерей нападал. Жить очень хочет, подлец, знает, что ему теперь грозит, вот и зарабатывает себе на каторгу.

С южной стороны тракта послышалось конское ржание и шум множества копыт. К недавнему месту боя подходила кавалерия. Вскоре, как говорится, тут яблоку не было места упасть. Подошла сотня ахтырских гусар во главе с ротмистром Гущинским, а позади неё тряслись верхом три десятка егерей.

– А этот-то что тут делает? – Алексей строго посмотрел на Макарыча и кивнул в сторону стоявшей навтыжку фигуры.

Сержант виновато склонил голову.

– Извиняйте, вашбродь, моя это вина, ваше право казнить или миловать, однако Федька у нас самый лучший из лесовиков будет, да и по стрелковой премудрости ему равных в нашей команде нет, а тут бой в лесу намечается и ещё неизвестно с каким противником. Он всё осознал уже, Ляксей Петрович, прочувствовал, так сказать, а последний из причитающихся в наказание ночной караул он как раз перед самым нашим выходом отбыл. Ну, говори, Федька, прочувствовал ли ты вину свою, дурень, каешься за грехи тяжкие, а, бестолочь?!

Цыган с самым несчастным лицом быстро-быстро закивал головой и выдавил, перекрестившись, свою самую страшную клятву:

– Чтоб мне пусто было! Да чтобы я всю жизнь голодным ходил и наестся бы никогда не смог! Никада без разрешения старших более бродить не буду. Только всё со спросом и с благословением господ командиров. Простите великодушно, Ваше благородие! Дозвольте мне нашей команде в этом деле поспособствовать и за Кнопку отомстить? А насчёт кашеварства, так я завсегда рад стараться, на всех привалах этого и какого только вы прикажете выхода буду теперяча пищу готовить!

– Да оставь ты чернявого, – тихонько шепнул Гущинский. – Ты ещё не знаешь, как мои гусары безобразничают на постое, и никому бы того лучше не знать. А этот вон ведь как искренне кается, хотя и видно, что настоящий плут.

– Хорошо, – свёл брови Егоров. – Считай этот выход, Лужин, как своё испытание. Домой вернёмся, ещё подумаю, что с тобой далее делать. А пока иди вон могилку подправь, скоро Ваню Кнопку хоронить будем. На вечный покой егерь в землю Валахии лёг. Последний долг нужно будет солдату отдать.

Через три часа одинокая, крытая чёрной кожей кибитка выехала с петляющей лесной дороги на большую поляну. Хутор лесника стоял в укромном месте и был обнесён продольным забором из жердин. Проникнуть между ними труда не составляло, был он выставлен скорее для того, чтобы со двора в лес не разбредалась бы скотина, чем для обороны от человека. Но рисковать понапрасну не хотелось, неизвестно, из каких строений сейчас целились хозяева в прибывших к ним «незванных гостей». С цепи рвался большой кобель, перебудивший своим лаем, наверное, уже всех лесных обитателей. А хозяев хутора всё не было видно. «Наблюдают, похоже, присматриваются», – подумал Егоров.

– Эй, Дрэгос, открывай ворота, и мы, и наши кони устали, все уже давно жрать хотят и чего-нибудь ещё выпить! – крикнул правящий повозкой капрал. Раненый, что сидел с ним рядом, поправил широкий полог, прикрывающий их от летящей из-под копыт грязи. На его голове была намотана окровавленная повязка, и со стороны он производил впечатление ослабшего человека, привалившегося к возничему.

– Тихо, тихо, Емеля, только не дёргайся, если здесь что-то не так пойдёт, то я тебя самого первого пристрелю! – прошипел Озеров, вдавливая в бок возничему дуло пистолета.

Стукнул засов на большой дубовой двери дома. И из него вышли трое мужиков. Двое были вооружены ружьями. Первый же, высокий и заросший густой чёрной бородой детина, держал в своей левой руке пистолет, а его правая сжимала широкий тесак.

Тот, что был с тесаком, выругался на валашском и, кивнув своим товарищам на кибитку, что-то им с усмешкой сказал. Мужики залопотали ему в ответ, закинули за спину на ремни свои ружья и распахнули широкие ворота из всё тех же жердин. Повозка вкатилась во двор и остановилась прямо возле бородатого. Тот засунул тесак в ножны и с опущенным вниз пистолетом шагнул к ней. Боковой полог в его руках откинулся в сторону, и ему в лоб резко ударил приклад фузеи. Бах! Бах! – раздались пистолетные выстрелы с передних козлов, укладывая на землю тех двоих, что только что закрыли за повозкой ворота. Из кибитки выскочила пятёрка егерей вместе с Озеровым, и все они шустро рассыпались по двору, а на козлах кибитки застыл с совершенно ошалелым видом капрал. Из открытого окошка дома высунулось ружейное дуло, раздался выстрел, и капрала сбило с повозки тяжёлой пулей.

Бах! Бах! – хлопнули фузеи, посылая свинец в окно. Бах! Из дверного проёма высунулось ещё одно дуло, и от колодца, за которым прятался Лёшка, откололо большую щепу.

«Точно бьют, хорошие эти лесовики стрелки», – подумал он, засыпая в ствол ружья порох из надкусанного патрона.

– Пока к дому не лезем! Всем схорониться и перезарядить всё своё оружие. Неизвестно сколько их там всего, капрал говорил про пятерых, а вдруг и больше будет! – крикнул он ребятам и, вкатив в дуло завернутую в патронную бумагу пулю, протолкнул её до порохового заряда шомполом.

– Так, одну гранату из сумки сюда, – и в его руку лёг чугунный шар с пупырышками дробы и картечи. Кобуры открыты, пистолеты на боевом взводе, всё было готово к броску.

– Ребята, сразу после взрыва бейте по окнам! Мишель, приготовь пистолы, бежим вместе к дому!

Лёшка ударил кремнем о кресало, раздул воспламенившийся от искр трут и поджёг фитиль гранаты. Раз, два, три, четыре. Получайте! – и чугунный шар улетел в сторону приоткрытой двери.

Бабах! – над головой с визгом пролетели осколки и картечины, а перед дверью клубилось облако от сгоревшего чёрного пороха. Бах! Бах! Бах! Лёшка с поручиком неслись к двери под звуки выстрелов прикрывающих их егерей. Обороняющиеся, как видно, немного ошалели от всего этого, и Егоров ласточкой влетел в дверной проём. Он кувыркнулся вбок, и тяжёлый приклад ударил в то место, где только что была его голова.

– Поздно, дядя! Бах! Бах! – оба пистолета в упор ударили по мужику.

– Nu trage! Milă! Нет стрелять. Милости руссо! – Второй валах под дулами пистолетов Озерова бросил на пол своё разряженное ружьё и, подняв руки, опустился на колени. – Стрелять нет! Дрэгос служить руссо господин.

– Ага, – усмехнулся поручик. – Как только хорошо припекло, так и по-русски понимать научились, и уже готовы служить русским! Кто ещё в избе есть, а ну быстро говори?!

В дом ворвались егеря и начали его бегло осматривать. Кто-то проверял сундуки и клетушки, Цыган полез на чердак, а Живан нашёл под половиком железное кольцо и потянул его на себя. – О, командир, да тут подполье есть, можем туда гранату кинуть?

– Там моя семья, там мои диты! Господин, я служить руссо. Не убивать моя семья! – Дрэгос умоляюще сжал руки на груди.

– Мы с детьми и бабами не воюем, – проворчал Озеров. – Скажи, чтобы все наверх выходили, да и сам встань с колен!

Из подпола вылезла бабка и довольно молодая женщина с тремя детьми. Самая маленькая девочка сидела у матери на руках.

– Ладно, вы тут сами беседуйте, а мы с ребятами пока двор хорошо проверим, да и осмотримся вокруг, – кивнул на семью лесника Лёшка, и егеря пошли на выход.

– Хорошо, – согласился поручик, – только бородатого там проверьте, он нам для второй части плана вместе с Дрэгосом может пригодиться.

На хуторе кроме жилого дома был ещё сарай для скотины, конюшня и что-то типа амбара или большого склада. Именно используя все эти постройки и нужно было связать боем прибывших из-за Дуная турок. И теперь Лёшка всё это внимательно осматривал, особенно тщательно проверяя чердаки и верхний сенник сарая. Стены у всех строений здесь были выложены из толстых брёвен. Как видно, со строительным материалом у Дрэгоса никаких проблем не было, ведь лес-то был всего лишь в какой-то паре сотен шагов. Через минут пятнадцать у Алексея на руках была грубо расчерченная на бумаге элементарная схема «огневых позиций» с направлениями ведения огня и с местами расположения стрелков.

Егеря за это время отлили водой из колодца бородатого, и с ним теперь «плотно» общался офицер контрразведчик, а вскоре на хутор прибыла уже и вся команда.

– Ваше благородие, ротмистр Гуцинский велел вам передать, что он со своими полутора сотнями гусар занял полянку в верстах трёх от хутора, – докладывал командиру Макарыч. – Ближе подходить его благородие не хотел, ибо турка, как он сам сказал, тоже ведь вовсе не дурная. А ну как она увидит, что здесь в округе много конницей натоптано, вот и не решится тогда сюды к нам в ловушку заходить. И он ещё в Бухарест за подмогой послал, никто же ведь не ведаёт, сколько вообще сюды гостей заявится.

– Всё ясно, Иван Макарович, сейчас быстро перекусывайте сухим порционом, не разжигая костры, и я вас расставляю по своим местам. Вечереет вон, скоро уже можно, как ты сам выразился, этих самых «гостей» звать. А я пока пойду с поручиком посоветуюсь, он, похоже, уже закончил свои допросы валахов.

Глава 5. Засада

Три сотни регулярной турецкой кавалерии сипахов с полусотней беслы переправили по холодному осеннему Дунаю пятью верстами ниже Силистрии. Как ни спешили паромщики, но закончить её быстро не удалось. Кони шарахались от огромной реки, и отряд смог собраться на левом берегу в лесу уже только под утро.

Командир конного алая (полка) Кадир злился, порученное ему самим бейлербеем (командиром всей конницы сипахов) важное дело могло запросто сорваться. предстоял дальний, тайный бросок в глубину занятой русскими Валахии, так ещё и пришлось оставить на своём берегу основные силы алая. В дело пошли только его самые лучшие и преданные делу султана воины. Не такие, конечно, как эти надменные беслы, что держались обособленно от всех, но очень даже неплохие всадники, принимая во внимание, какие огромные потери понесла турецкая конница от русских в это лето. Теперь нужно было за сутки пройти по лесным дорогам в тайное место под Узерчине и вывезти оттуда так необходимых самому визирю людей. Надо было спешить, русские тоже не дремали, и их разъезды из казаков и гусар могли их легко обнаружить. Ладно, от них-то они смогут отбиться, но а если те наведут на отряд уже большие силы? Уйти обратно с важными людьми будет очень и очень трудно. Русские уже научились неплохо воевать не только своей страшной пехотой и артиллерией, но и всё усиливающейся с каждым годом конницей. Если же так сложится, что их настигнут, сипахам придётся всем лечь под русскими саблями, пока эти беслы будут уходить с особым грузом. Так что это дело было очень рискованным.

– Волки-то вполне смогут скрыться с такими-то конями и вооружением, пока мы там будем умирать, – и Кадир с завистью посмотрел на всадников из личной гвардии султана. Её полусотник, одетый в длинный чёрный войлочный плащ и в волчий малахай на голове, подъехал к командиру алая и с кривой непочтительной улыбкой поинтересовался о причине задержки.

– Задерживается один паром, – ответил «волку» Кадир. – У этих разинь вечно что-нибудь выходит из строя на реке.

Фарханг посмотрел на небо, втянул, словно хищный зверь, холодный и влажный воздух и посмотрел пристально в глаза командиру отряда. – При всём уважении к вам, агай, скоро уже ночь начнёт отступать. Если ваш алай отсюда сейчас не двинется, то моя полусотня уйдёт одна, но тогда и вся слава достанется только беслы. А вам и вашим родственникам придётся ответить за неудачу перед самим визирем. Оставьте тут десяток людей, чтобы они сообщили опаздывающим, что мы уже ушли, их не дождавшись. И пусть они идут отдельным дозором к Журже. Хоть немного, но эти воины оттянут на себя русских и отвлекут тем самым их от нашего отряда.

Кадир с трудом сдерживался, чтобы не отчитать этого наглого и неуважительного беслы. Он ещё будет командовать целым командиром алая! Но вспомнив, как ему настрого приказали прислушиваться к словам этого полусотника, вынужден был всё же сдержаться. Наживать себе врагов среди тех, кто охраняет самого султана, ему не хотелось, и он лишь проворчал, отворачиваясь от дерзкого взгляда этого «волка»: – Мало вам тех двух сотен лёгкой конницы акын-джи, что уже и так отводят глаза русским. Так ещё и мои три десятка под русские сабли кидаем.

Фарханг, разворачивая коня, фыркнул: – Они воины, и их дело умирать во славу султана. Я готовлю свою полусотню к выходу, уважаемый.

Ночь прошла спокойно. По всем расчётам турки должны были тут появиться ближе к обеду. Эти места только год как были заняты русской армией, до этого же они были османской провинцией, разумеется, все дороги здесь противнику были прекрасно известны. Оставалось

только теперь его ждать и быть готовым к бою. Тридцать восемь стрелков, включая и поручика Озерова, занимали свои распределённые огневые позиции. Позавтракали, а потом и пообедали сухим порционом из вещевых заплечных мешков. В ход сейчас шло сыровяленое мясо – бастырма, плоская колбаса из баранины и говядины – суджук, сыр, сухари и сухофрукты, запиваемые водой из фляг. Это была вполне уже привычная еда егерей на их дальних выходах.

Занимали свои места парами, один отдыхал, а другой в это время вёл постоянное наблюдение. В случае боя вдвоём бойцам предстояло и обороняться. Один должен был вести огонь, а второй бы в это время перезаряжался.

Прошёл обед. Вечереет в ноябре рано, ещё немного – и темнота скроет все подходы к хутору. Было видно, что Озеров заметно нервничает. Ему предстояло играть самую опасную роль в этом деле – убедить совместно с хозяевами хутора, что они именно те люди, которые так нужны туркам, и постараться по возможности выманить их поближе к стволам егерей. Но время шло, а турецкого отряда всё не было. Какой раз уже приходило на ум, что вторая часть плана задуманной ими операции сорвалась, и турки не рискнут отдалиться так далеко от своей территории.

Во дворе вдруг резко залаял кобель. Михаил с Лёшкой переглянулись. Неужели они дождались?

– Дрэгос, открой дверь и выйди к воротам. Дальше поступай так, как мы уже с тобой договаривались. И помни, что на тебя смотрит десяток стволов, будешь делать с Михаем всё, как мы договаривались, вам это обоим зачтётся, и вы все останетесь живы.

Хозяин хутора с бородатым подручным согласно кивнули, и лесник в сопровождении переодетого Цыгана вышел на улицу.

– Эй, кого там к ночи принесло, покажись? – крикнул валах.

От опушки леса в сторону ворот вылетела пятёрка всадников и остановилась с наведёнными на них карабинами, не доезжая пары десятков шагов.

– Кто вы и что вам нужно? – спросил их осипшим голосом лесник.

Тот, что был впереди пятёрки, привстал на стременах, оглядел цепким взглядом весь хутор и процедил сквозь зубы: – Я онбаши (унтер-офицер) султанской кавалерии Орхан. Мы прибыли сюда по приказу сераскира из-за реки. У вас есть для нас русский и его бумаги?

– Опустит ружьё, дурак! – крикнул Дрэгос Цыгану. – Не видишь, что ли – это наши доблестные воины из-за Дуная. Они заберут то, что им нужно, а нас богато одарят! – Цыган что-то глухо проворчал и закинул своё ружьё за спину.

– Да, господин Орхан, этот русский, или, вернее, серб, сейчас у нас в доме, так же как и другой, который тайно служил султану под личиной главного писаря у самого их главнокомандующего. Он-то и помог нам поймать того, кого и было нужно, но мы потеряли очень много своих людей. Русские так сильно сопротивлялись, – причитал лесник. – Надеюсь, за наш риск и за все труды нам хорошо заплатят?

– Заплатят, заплатят, – ощерился онбаши. – Открывай ворота! – И пятёрка верховых в сопровождении лесника и Цыгана въехала во двор.

Трое всадников спрыгнули с коней и заскочили в дом, командир же со здоровенным воином остались сидеть верхом, держа своё оружие наготове.

Через пару минут их разведчики выскочили из избы и доложили:

– В доме четверо мужчин и семья хозяина. Один в русском мундире связан верёвками, второй говорит хорошо по-турецки и сказал, что он наш лазутчик и у него важные бумаги к сераскиру. Двое остальных из местных.

– Хорошо, осмотрите сарай и быстро ко мне, – кивнул Орхан, заходя в дом, и тройка кинулась осматривать строения во дворе.

«Осторожные, гады, таких просто так на мякине не проведёшь», – подумал Лешка, прислушиваясь к тому, что сейчас делалось наверху. Он с Тимофеем, Ваней Кудряшом и Куртом

сидел в это самое время в подполе и был готов выскочить наверх в любой момент, если бы что-нибудь там пошло не так. На самом острие сейчас были Михаил Озеров в роли османского шпиона, смуглолицый Фёдор и связанный Живан, играющий пойманного русского разведчика с документами.

Лазить по тёмным дворовым постройкам туркам не захотелось, и так один из них влетел в коровью лепёшку, а второй напоролся у входа в амбар на грабли. И постояв немного для порядка, ругаясь вполголоса, разведчики сипахов направились к командиру. И что это их онбаши так суетится сегодня, видно же, что всё тут спокойно! Похоже, этому Орхану выслужиться перед командиром алая захотелось, видно, субаши (сотником) надеется стать?

– Всё чисто, агай, в сараях никого нет, – доложились разведчики, и старший всей группы, ударив ногой Живана, вышел из избы во двор. Онбаши вскочил на коня и поскакал в сторону опушки, а вскоре из леса показалась голова большого конного отряда.

– Ох ты ж ё-моё! Сколько же вас сюда понаехало! – выругался сидящий на чердаке у оконца амбара Потап и щёлкнул, взводя курок штуцера. Степан, сидящий с ним рядом, приготовил к бою фузею и положил рядом обе свои гранаты. Никто не ожидал прибытия к хутору таких больших сил, и побледневший Озеров нащупал за пазухой пистолет.

– Кто здесь главный писарь из штаба неверных, тот, которого так ждут у сераскира? – толмач угодливо кивнул и перевёл вопрос самого важного османского начальника.

– Принесите мне бумаги, я передам их господину! – крикнул на турецком в глубину дома Озеров. И с этой условной фразы время понеслось вскачь.

Бах! – первая пистолетная пуля влупила в коня командира алая. Озеров откинул разряженный пистолет в сторону и вторым выстрелом уложил одного из всадников свиты.

Бах! – Цыган разрядил ружьё с картечным зарядом в ошалевшую от неожиданности группу у дверей.

– А-а-а, – раздался вой и стенания раненых. Бах! Бах! Бах! – посыпались выстрелы из всех окошек, бойниц и из продухов строений.

Лёшка со своей группой уже вылетел из подпола, четверо егерей, два с колена, двое стоя разрядили свои гладкоствольные фузеи в мечущихся по двору всадников. Бабах! Бабах! – оглушительно грохнули первые гранаты, разнося рой осколков и картечин.

– Этого сюда! – прокричал Озеров, подскакивая с Цыганом к подмятому конём османскому командиру. Ваня Кудряш выскочил следом и аж до ворот закинул свою гранату. Лёшка с Куртом и Тимофеем в это время прикрывали всю «группу эвакуации». У каждого из них было по два пистолета и по десять секунд. За это время «группа эвакуации» успела отойти. Вокруг уже пели пули, сипахи пришли в себя и отчаянно пытались взять кровь врагов. Шлёп! – круглая тяжёлая пуля влупилась в бедро Курта, и Лёшка с Тимофеем, подхватив своего товарища под руки, затащили его в дом. Все заполошно дышали. Казалось, что эти первые две минуты боя стоили несколько часов тяжёлых учений.

– Ослбоди ме! Одвежи ми руке! Вања, помози ми, друже! – кричал в волнении лежащий связанным серб. В лихорадке первых минут боя про Живана все совершенно забыли, и теперь он рвался в бой, но пути были такими крепкими.

– Ваня, к Живану! Тимофей, перевяжи Курта! Мишель, глянь пленного! – скомандовал Лёшка и кинул штуцер Светильникова Цыгану.

– Амнистия, Фёдор, всё, прощён! Ты опять штуцерник, веди бой! – и, выглянув из двери, выстрелил в гарцующего у ограды всадника с полковым значком. Байрактар выпал из седла, а пуля Фёдора сбила что-то орущего у ворот субаши.

В доме все бросились выполнять приказы подпоручика, и даже Озеров, признавая Егорова хозяином всего вот этого боя, согласно кивнул и бросился осматривать захваченного командира турок.

– Вниз, вниз всех ведите! – крикнул Лёшка, забивая пулю в ствол штуцера, и лесник потащил свою семью к люку подпола. – И ты двигай, туда же давай! Что пнём встал?!

Бородатый валах с перевязанной головой протянул руку к ружью: – Я убью осман. Я не убью русси!

– О как приклад мозги-то на место ставит, ладно, держи, – пробормотал Алексей, пристально взглядевшись в глаза бородатому, и протянул ему ружьё. Тот открыл полку замка, проверил насыпку в нём пороха, затем кремь на курке, искоса глянул на Лёшку и на Тимофея с наведёнными на него стволами и усмехнулся: – Бедрос не люби осман. Осман убьёт семью Бедрос. – Он вскинул ружьё, прицелился и плавно выжал спусковой крючок. Бах! Последний из всадников, ковыляющий к лесу без лошади, рухнул на землю. Всё, в команде егерей на этот бой появился ещё один стрелок.

– Всем осмотреться! Унтера, доложить о потерях! – крикнул Лёшка в открытую дверь.

– У нас все живы, господин подпоручик, – раздался с чердака дома приглушённый голос Гусева.

– Конюшня, все живы, вашбродь! Сарай живы! – донеслись доклады унтеров Макаровича с Карпычем. – Амбар живы, только вот Борьке передние зубы отлетевшей щепой выбило, и все губы расшибло, – доложил капрал третьего десятка Трифон.

– Ну, легко отделались для первого раза! – Алексей присел возле Озерова, стягивающего верёвками руки и ноги пленному. – Что, важная птица или так себе?

– Более чем! Целого бигбаши послали, у сипаев они алаем, тысячей командуют! Считай, это как полковник, ежели под нашу армию его чин перевести.

– Ого! – аж присвистнул Егоров. – Видишь, Мишель, как тебя с твоими важными бумагами османы уважают, высоких гостей с приветами шлют, а ты их хлоп из пистоля, на землю и вязать! Грубый ты какой-то, вот никакого вежества в тебе нет!

– Это да-а, – поручик затянул последний узел на верёвке и посмотрел в открытую дверь. – За таким-то гостем скоро к нам и другие пожалуют, а у нас уже вон ночь на дворе.

Лёшка нахмурился. Да, своего полковника они нам просто так не отдадут, но и времени на долгую осаду у них тоже нет, вот-вот Гущинский со своими гусарами по ним с тыла ударит. Да и не дураки они, понимают, небось, что теперь отступить за реку спокойно у них уже не получится. Нам бы один штурм ещё отбить, но в темноте ночной бой вести ох как непросто будет! Нужно будет хорошо двор подсветить.

Подпоручик выглянул наружу и, убедившись, что живых врагов не было видно, пригнувшись, перебежал к колодцу.

– Братцы, тащите сухое сено, дерево, ветки и всё, что только из шибко горящего найдёте! Тришка, у себя в амбаре пошарь, там, у зажиточных селян завсегда скипидар, масло или дёготь для телег хранится. Всё сюда живо тащите! Фёдор, ты самый глазастый у нас, бери пяток самых шустрых ребят, закройте ворота, подтащите туда кибитку и облейте её скипидаром. Потом выйдите чуть за ограду, глядите там и слушайте. Как только османы полезут, нам шумните, свистните, а сами отходите поскорей и прячьтесь!

Всё закрутилось на дворе. Кто-то тащил из строений сухие доски, жерди и сено. Даже старые кадки, корыта и сани пошли у егерей в ход. С сенника выгрузили большой ворох просушенной соломы, в амбаре нашли всё то, что ранее перечислял командир.

– Быстро раскладываем костры из всего хлама вдоль забора так, чтобы наши строения в центре круга были. Смачиваем всё найденное маслом и всем остальным из посуды и готовьтесь, запаливайте труты. Как только Федька сигнал даст, поджигайте все кучи и тикайте на свои места. Скоро уже турки снова полезут!

Окончательно стемнело, и было видно только мелькание силуэтов, да слышался топот сапог, сопенье и приглушённый матерок. Команда готовилась к ночному бою.

Со стороны леса вдруг раздался резкий и грохнуло несколько выстрелов. «Ну всё, начинается!» – подумал Лёшка и отдал команду: – Поджигайте, братцы, и бегом в укрытия!

Ярко вспыхнуло пламя в одном конце двора, затем в другом, и вскоре все строения хутора оказались словно бы в кольце костров. Всё, что было в зоне видимости ста, ста пятидесяти шагов, просматривалось из них превосходно. А за пробежавшим егерским дозором Цыгана показались густые цепи спешившихся турок. Лёшка совместил мушку с целиком на штуцере и плавно выжал спуск. Бах! Приклад ударил в плечо, а фигурка, перелезающая через жердины забора, повисла вниз головой. Алексей схватил одну из двух стоящих наготове фузей и прицелился в соседа подстреленного турка. Бах! – перескочившего забор османа откинуло назад, и он упал рядом с первым. Егоров схватил последнее заряженное ружьё и взвёл курок.

С другой стороны дверного проёма бил, сидя на корточках, из своего оружия Фёдор. Из двух имеющихся в доме окошек вели огонь остальные стрелки. На чердаке тоже грохали занимающего удобную позицию Гусева с тремя егерями. Курт с Озеровым заряжали штатные фузеи с трофейными карабинами и подавали их стрелкам. Главным здесь было сбить атакующий порыв, лишить противника мужества, остановить его и внести сумятицу. Первыми выбивались командиры и все те, кто выделялся из общей массы наступавших. Вот к колодцу подскочил байракетер и призывно взмахнул флажком на длинной пике.

– Получай! – и пуля Цыгана уложила знаменосца возле колодца. Федька скусил кончик патрона и, открыв полку замка, сыпанул на неё немного пороха. Курок на предохранительный взвод. Основной заряд в дуло – бум, бум, – и он хлопнул прикладом о пол. Пулю в бумажку и в ствол. Протолкнуть её к заряду. Щёлкнул на боевом взводе курок. Всё! Оружие к бою готово! Бах! – и присевший с наведённым карабином напротив турок упал с резким криком в грязь. Десять-двенадцать секунд занимала зарядка гладкоствольного ружья в руках у опытного стрелка. Руки всё делали доведёнными до полного автоматизма движениями, глаза тут были не нужны, они всё время следили за боем. И напряжённо работал мозг, оценивая обстановку и определяя для себя приоритетную цель. Русские егеря были лучшими солдатами этого времени, а уж егеря особой команды, натренированные и экипированные «по полной», были, пожалуй, элитой из элит!

– Гренады к бою! – рявкнул Лешка, разжигая фитиль у своей. – Они уже у стен! Всем бить гранатами!

– Бах! – Озеров разрядил пистолет в попытавшегося перелезть через завал из стола и всякого домового хлама турка. Лёшка досчитал до пяти и метнул тяжёлое чугунное ядро.

Бабах! Сработал первым его снаряд. Бабах! Бабах Бабах! – раздалось взрывы других, выброшенных из окошек и из продухов. Пара десятков турок, проскочивших к строениям и уцелевших под губительным огнём ружей, уже готовилась «оттолкнуться от этих стен» и ворваться вовнутрь. И теперь их тела рвали осколки, картечины и всевозможная металлическая обрезь, с визгом разлетающаяся от гранадных разрывов.

Трое совсем обезумевших от огненного ада турок с Орханом во главе влетели в дверной проём конюшни. Никита среагировал и вlepил в живот прикладом тому, что был ближе. Васька Рыжий прыгнул на своего, и противники покатались по крытому соломой полу к стойлам.

– А-а-а! – Орхан заорал с вытаращенными круглыми глазами и ударил Рыжего саблей по спине.

– Бах! – раздался фузейный выстрел сверху, и Орхан мешком свалился на пол. Бах! – свесившийся с сennика унтер разрядил пистолет в выпрыгнувшего из-под тела Васьки турка. Тот тонко завизжал и, резко развернувшись на четвереньках, выскочил за дверь.

– Попал, нет ли? Не разобрать в этой темени, – пробормотал Макарыч, взвёл курок на втором пистолете и спрыгнул вниз. – Живы, ребята? Что у вас тут турка так гуляеть?

– Жив я, дядь Вань! – отозвался Никита. – Своего турку пристукнул, второго добил, а вот нашего Ваську третий саблей по спине просек. Вроде живой, дышит пока Васяня. И откуда

только эти ироды взялись, словно бы волки к нам кинулись после разрывов гранад. Чуть было не зарезали в темноте.

– А ты не зевай, Никитка, держи свой пост и бей супостата! – отозвался Макарыч и посмотрел вверх. – Эй, робята, без меня там наверху сами глядите, я пока тут у двери покараулю! – и он начал перезарядку фузеи.

Приступ, похоже, был отбит. Пламя костров, так ярко горевших ранее, уже почти совсем погасло. Во дворе слышались стоны и стенания раненых. Несколько серых фигур плелись в сторону леса. По ним уже никто не стрелял. Зачем? Где-то неподалёку от хутора сейчас шёл бой, там слышались гортанные крики, русское ура, и гремели глухие выстрелы. На подмогу егерям подоспели гусары Гущинского.

– Всё, братцы, похоже, что отбились! – Лёшка приставил к стене перезаряженный штуцер и вытер рукавом доломана чумазое лицо. – Пока на двор не выходим, чтобы шальную пулю не схлопотать. Перезарядились и ждём подмогу. Скоро сюда ахтырцы-молодцы подскочут!

Фарханг увёл свою полусотню сразу же, как только увидел, как густо валяются наземь фигурки атакующих в свете ярко вспыхнувших костров. Стрелки с хутора били часто и очень точно. Похоже, что не менее полусотни русских, зелёных шайтанов выбивали сейчас этих глупых сипахов. И теперь этот выход, начавшийся в суете и сумятице, грозил стать для всех самым последним. На этот раз русские их перехитрили. Они заманили турецкий отряд в глубину своей территории и встретили его огнём из засады. Какой там человек с особо важными бумагами! Какой там местный отряд из верных султану людей! Русские подсунили им приманку в овечьей шкуре, но под ней оказался леопард, который вырвал к себе в пещеру этого глупого и надменного Кадира, командира алая сипахов. А его приближённые шакалы даже не смогли защитить своего господина, когда его утаскивали в дом эти русские. Уже тогда нужно было всем уходить, когда стало понятно, что это хорошо подготовленная засада и их командира всё равно уже не спасти. Но шакалы решили избежать наказания за свою неудачу, и глупый субаши, заменивший такого же глупого, как и он, Кадира, бросил их вновь на убой. Похоже, что русские этого как раз таки и добивались, и теперь сипахи валились на землю, оглашая окрестности своими предсмертными криками.

Но беслы это не сипахи! Они не шакалы и тем более не овцы, предназначенные для забоя. Итак их три большие сотни за этот чёрный год истаяли до одной. Нужно будет спасти свою полусотню, и уже совсем скоро они уйдут на отдых к Стамбулу.

Фарханг обернулся и оглядел свою плотную конную колонну. Беслы шли как волки – бесшумно, один за другим, только те бежали на мягких лапах, а здесь на копытах у породистых скакунов были навязаны звериные шкуры. На весь путь их, конечно же, им не хватит, но сейчас хотя бы убратся от этого леса подальше! – думал командир отряда. И он не пойдёт туда, где его непременно ждут! Нет, он не настолько глуп, чтобы возвращаться тем же путём, которым они сюда пришли. Теперь-то уже было очевидно, что им и там приготовили встречу! Вот и пусть, прорываясь на Селистру, гибнут эти остатки сипахов. Беслы пройдут там, где их никто не ждёт. И Фарханг, сориентировавшись по звёздам, свернул на лесную дорогу, что вела на запад, в обход Бухареста.

Глава 6. Дома

– ...Захвачен командир алая сипахов со знаменем и двумя сотенными бунчуками. Вместе с ним нами взято в плен три десятка воинов и около восьми десятков коней. Убита при попытке захвата кареты дюжина нападавших, а в засаде на лесном хуторе более семи десятков. Собрано трофеев: длинноствольных ружей более сотни, с ними же большое количество пистолей, сабель, пик и всевозможной амуниции. Взят также один русский штуцер тульского производства. При захвате убит своим подельником, чтобы замести следы, писарь главного квартирмейстерства армии младший сержант Уткин. Захвачен в плен начальник армейской канцелярии капитан Светильников. У нас потеряно два егеря. Пали смертью храбрых рядовые Иван Брызгин и Анкудин Писклов. Ранены трое рядовых и один капрал. Все ранения не опасные, думаю, что через две недели все они вернутся в строй. Доложил командир отдельной особой команды подпоручик Егоров, – и Лёшка застыл в строевой стойке перед бригадиром Денисовым.

Главный квартирмейстер Первой дунайской армии, выслушав доклад молодого офицера, молча прошёлся по комнате. Сбоку от стола застыли обер-офицеры штаба: фон Оффенберг, Баранов и заместитель начальника штаба армии подполковник Соболев.

Наконец Денисов остановился возле старшего картографа, а по своей сути главного разведчика и представителя генерального штаба военной коллегии империи на всём этом дунайском направлении.

– Полагаю, что егерская команда свою задачу выполнила отменно, Генрих Фридрихович. Главный шпион, стоивший нам столько крови, взят. Вся его сеть, раскинутая в Валахии, раскрыта нами и обезврежена. Отряд османской конницы, идущий для вывоза шпионов и важных бумаг, уничтожен с самыми малыми потерями с нашей стороны. Но, конечно же, встаёт вопрос – как так, человек, прослуживший столько лет родной стране и русскому самодержавию, допущенный к таким важным государственным тайнам, оказался предателем и как минимум два года передавал особо секретные сведения врагу. Где были всё это время мы, и что нам теперь докладывать в главную Военную коллегию?!

Разнервничавшийся бригадир опять зашагал из угла в угол. Его усталое лицо ещё более осунулось от долгого недосыпа. Всю эту неделю, пока шла операция и проходили самые первые допросы пленных, он спал от силы два, может быть, три часа в сутках. Дело было особой важности и в нём было много, скажем так, весьма острых углов. И как всё теперь повернётся, когда до начальника генерального штаба и вице-президента Военной коллегии графа Чернышёва Захария Григорьевича дойдут все обстоятельства этого сложного дела, было сейчас совершенно неясно. Но в любом случае османские агенты были разоблачены, враг, спешивший им на выручку из-за Дуная, повержен, и теперь нужно было попытаться представить всё это в победном свете. Авось и минует кара «всевидающего ока» из такой далёкой и холодной столицы. Нужно будет только уладить все эти «острые» вопросы здесь и заранее с её представителем, с этим хитрым и весьма осведомлённым во всех внутренних делах немцем. Давыдов искоса взглянул на барона и перехватил его лёгкую, ироничную улыбку.

Двое этих опытных, умудрённых в интригах старших офицеров прекрасно друг друга понимали и готовились к своей тонкой игре.

– ...Но что касается егерей, они своё дело сделали отменно, проявив высокую доблесть и самоотверженность. Вы и ваши люди, Егоров, будут отмечены в приказе по армии. Прощение о награждении уйдёт в столицу фельдъегерской почтой в самое ближайшее время, – бригадир величественно кивнул и милостиво улыбнулся егерю. – Можете быть свободны, подпоручик. Отдыхайте и набирайтесь сил, вы это заслужили.

Лёшка шлёпал к себе домой по раскисшей дороге и ёжился, конец ноября в Валахии был временем ненастным. Сырой и порывистый ветер, казалось, находил каждую щёлочку что в верхней одежде людей, что в их домах. Местные жители и солдаты, стоявшие у них на постое, старались без крайней нужды из мест своего квартирования не выходить, натапливая внутри очаги и печи. Исключением были лишь неизбежные построения на утреннюю и вечернюю поверку, отбиваемые штатными барабанщиками такими сигналами, как «утренняя» и «вечерняя заря». Лишь в редких подразделениях в такую непогоду проводились войсковые учения или же служивых гоняли муштрой. Выборгский полк как раз и был тем самым исключением. Проходя мимо одной из городских площадей, Лёшка видел, как вымокшие его солдатики, держа равнение в шеренгах, маршируют по лужам, выбивая брызги грязи на свои мундиры.

«Бедолаги, – подумал Егоров. – Ладно бы в виде воспитания, скажем, по делу, так, чтобы дурь у зарвавшихся подчинённых унять. Нет, у Думашева это практиковалось бесконечно. Постоянная порка и муштра сопровождали этот полк вот уже семь лет, как только его принял нынешний командир». И Алексей в очередной раз поблагодарил про себя Господа Бога и Сенцова Серёгу, определившего его полтора года назад к апшеронцам.

Полтора года. Как быстро летит время. Кто же он больше? Человек из 21-го века, заброшенный волей providения в век 18-й? Или всё же современник Суворова и Екатерины Великой, в котором только горит искра знаний из века грядущего? Алексей и сам во всём этом запутался. Такое чувство, что жизнь среди людей будущего с их машинами, телевизором, интернетом и всем этим колоссальным техническим прогрессом была вовсе даже не с ним, и только лишь приснилась ему в каком-то странном и ярком сне. Сам же он человек из плоти и крови этого времени и вот этого мира, живущий, воюющий бок о бок с такими же, как и он, людьми, любящий их или ненавидящий, разделяющий пищу в походах или идущий с ними в атаку. Совершенно ясно было одно – он офицер Российской императорской армии, присягнувший на верность матушке самодержице Екатерине Алексеевне и отстаивавший право своей страны быть великой. Вот это и есть то главное, а не какое-то там досужее сюсюканье или же сопливые рассуждения о смысле жизни и о том, кто я, для чего я, как же я сюда угодил и как же мне теперь такому бедному дальше тут жить. Коли уж так случилось и ничего уже не вернуть назад, так значит, так тому и быть. А у него уже есть смысл в этой жизни и есть люди, которые за ним идут в огонь и в воду.

– В сторону! – мысли Лёшки прервала группа всадников, проскакавшая мимо. Он прижался к ограде, а пятёрка на породистых лошадях обдала его брызгами грязи из луж.

Думашев с господами штаб-офицерами изволил отъехать на обед. Деньги у полковника водились, и он мог позволить себе столоваться в лучшем из соответствующих заведений города, в новомодной ресторации “Bouillon” француза Жозе Гастара. Там для высоких господ подавались тонкие вина из Франции и Испании, звучала красивая музыка, а вышколенные официанты разносили по столам европейские кушанья.

«Ничего, сейчас к себе приду. Артельные сварили кашу с мясом. Общие деньги на приварок у них в команде пока что водятся. Так что каша эта будет вкусная, жирная и очень сытная. Как раз то, что нужно служивому человеку».

У Алексея от этих мыслей забурчало в животе, его рот наполнился слюной, и он, прибавив шагу, поспешил в своё расположение. До общего сигнала «сбор к столу» на приём пищи оставалось совсем немного времени.

Егоров питался общим котлом со своими солдатами, отдавая свой офицерский порцион в общую артель. Довольствие у егерей было значительно лучше, чем в матушке пехоте, ведь их не объедали и не обсчитывали полковые интенданты и начальство. Да и нормы отпуска провианта в отдельных егерских подразделениях были значительно выше, чем в тех же мушкетёрских ротах, а уж про особую егерскую команду «волкодавов» и говорить было нечего. Но всё это им давалось не зря, за всё приходилось платить кровью на дальних выходах и в бою. Да ещё и

сдабривалось всё обильно политым солёным потом в постоянных изнурительных тренировках и на учениях.

Но егеря не жаловались, в их команде сложилась своя особая атмосфера, где люди жили словно бы одной большой семьёй ну или общиной близких по духу людей. Были в ней, конечно, безусловные авторитеты и уважаемые люди, но даже самого молодого солдата, только что прибывшего из полковых мушкетёров, никто здесь не обижал, не унижал и не затюкивал. Напротив, таковых старались опекать и научить всем премудростям, уже известным старослужащим. Ведь от каждого тут зависело, вернёшься ли ты живым из дальнего, опасного выхода, и если таковой случится и тебя ранят, то вынесут ли тебя окровавленного за сто вёрст, с чужой стороны. Была среди егерей особо развитая в простых русских людях общинность, широта души, сострадание и стремление к справедливости. Высокомерие, заносчивость и лицемерие не допускалось на самом простом, бытовом уровне общения. Командиром подразделения это специально не культивировалось, всё складывалось само собой и лишь изредка требовало небольшой корректировки. Очень многое зависело здесь от умудрённым жизненным опытом, поживших и повидавших всякое старослужащих, из которых многие, да пожалуй, что уже и все, были в должностях капралов или унтер-офицеров.

– Ляксей Петрович, вашбродь, скоро уж поди к обеду дробь отобьют. У меня вон в утробе урчит. Брюхо, оно словно господские часы, своё время хорошо знает, – встретил у калитки дома командира Карпыч. – Что-то вы долго нонче в этих штабах задержались, ничего там по нашу душу пока нет? – и пожилой егерь пытливо посмотрел на Егорова.

– Да нет, Иван Карпыч, пока всё спокойно. Главный квартирмейстер армии похвалил нас, говорит, что отменно егеря особой команды на этом выходе сработали. В приказ по армии нас включил и в реляции в военную коллегия тоже прописал. По трофеям Генрих Фридрихович моё прошение продвинул. Всё холодное оружие, пистолы, те несколько кавалерийских карабинов, что нам у хутора приглянулись, оставляют за нами, а самое главное это вот, штуцер Светильникова вернули, – и Лёшка кивнул на своё плечо, где висела на ремне короткая винтовка. – Так что завтра поутру возьмёте с Гусевым подводу и заедете в главное интендантство. Там у Якова Семёновича всё наше и заберёте, он ещё ящик гранад вам с собой отдаст, селитряного шнура и пороха с ними в довесок, ну, может, и ещё на чего-нибудь сподобится. Серёжка наш вроде как нашёл к нему подход. Этот секунд-майор хорошее красное вино любит, да закусочку под него, – и подпоручик лукаво улыбнулся.

Где то в отдалении протрубил горн, и до егерей донеслась барабанная дробь. Через короткое время сигнал от главного штаба армии подхватили барабанщики пехотных и кавалерийских полков, батарей, рот и команд.

– Ну вот и время обеда подоспело, – вздохнул унтер. – Так я скажу Гусеву, чтобы он «сбор к столу» пробил?

– Да, Карпыч, давайте, – кивнул Алексей. – Я сейчас к себе на минуту зайду, а потом уже и к вам в дом на кашу подойду, начинайте пока без меня трапезу.

Четвёртая артель команды харчевалась в большом доме зажиточного суконщика Ионы. У того была небольшая мануфактура ближе к рынку и ещё пара торговых лавок. За солдатский постой русское командование платило исправно, и он с удовольствием предоставил под него пару комнат в своём доме с отдельным входом и с небольшой, но жаркой печкой внутри.

За струганым, грубо сколоченным столом уже сидели дядьки унтера Карпыч с Макарычем и Федька Цыган. Остальные егеря расположились, где кому было удобно, на скамьях, сундуках и настилах, служащих им в качестве кроватей.

– Ну сказал же, чтобы без меня еду начинали, – буркнул Лёшка, подходя к своему месту во главе стола.

При появлении командира вся артель, кроме раненого Василия, встала в ожидании молитвы. На Руси, В России-матушке издревле без молитвы к трапезе не приступали! Недаром была распространена пословица: «С молитвой и еда слаще!»

– Отче наш, Иже еси на небесех! Да святится имя Твое, да приидет Царствие Твое, да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли. Хлеб наш насущный даждь нам днесь; и остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим; и не введи нас во искушение, но избави нас от лукаваго, – молились истово служивые.

– Кушайте, братцы! – Задвигались лавки и стулья, солдаты рассаживались по своим местам. Дежурный кашевар Никита снял с печи большой артельный котёл и выставил его на стол. Сюда же поставил и чугунную сковороду с крышкой, от которой шёл ароматный мясной дух.

– Хорошо живем, однако! – усмехнулся Лёшка. – Откуда же такие щедроты сегодня?

– Да на один карабин затрофеемый Ёлкин у своего человека, что в интендантах служит, мяса с фунтов пятнадцать выменял. Хорошее мясо-то, вашбродь, говяжья мякоть свеженькая, да и мослов-то в ём совсем нет, – пряча в смущении глаза, протянул Карпыч.

– Хм, – хмыкнул Лёшка. – Ну-ну. То-та я гляжу, что господину Филиппову уж больно мало карабинов после боя на хуторе свезли. Думал, можа, плуты ахтырцы их себе припрятали.

– Да не-ет, вашбродь, – подключился к беседе Цыган. – У них ведь, чай, и свой трофей тоже есть, после боя в лесу, это там, где они сипахов от нас переняли. Как на Смоленщине говорят – на чужой-то каравай свой роток не разевай!

Егоров нахмурился, налицо было нарушение служебной дисциплины. Команда припрятала часть добытых трофеев и не сдала их, как положено, в главное интендантство. Но добыты они были в честном бою, как в старину говорили, что с бою взято, то и твоё свято? Сейчас это уже, конечно, не работало, всё должно быть взято под учёт, пронумеровано и заглощено бездонной казной. А то, что эта казна не сполна обеспечивала своих защитников – ну-у, значит, такая планида у служивых на самом низу этой длинной казённой лестницы.

Все егеря примолкли и в напряжении замерли, ожидая, чем же закончится эта весьма «скользкая» тема.

– Мало что-то за карабин-то, а, Карпыч, тебе самому это не кажется? Всего-то пятнадцать фунтов мяса за французский, ведь даже не турецкий, образец карабина. Я ещё понимаю пуд, – проворчал Егоров и зачерпнул первую ложку наваристой каши из своей миски.

Все в доме выдохнули, зашевелились и заулыбались.

– Так вообще-то на пуд-то мы и сговорились, Ляксе́й Петрович, – протянул в смущении Карпыч. – Но у Потапкиного человечка можности просто таковой сейчас нет, дабы его весь нам сразу отдать. Человек-то он разумный шибко. Да вы его зна-аете, это он нам на первый давний плов опосля Кагула жир от курдючной овцы, хлеб да овощи давал. Осторожность он блюдёт и службу свою хорошо знает. Оттого-то и в чинах вырос и сейчас вот мясным складом заведует.

– Да вы не волнуйтесь, вашбродь, мы ведь аккуратно, уж не подведём вас, – поддержал своего друга Макарыч.

– Ладно, только не зарывайтесь, братцы, и этому вон воли не давайте, – Лёшка, нахмурившись для порядка, кивнул на Федьку. – Сами с Карпычем за всем лично приглядывайте!

– Да не-е, ну что вы, вашбродь, мы Цыгана на пушечный выстрел к трофеям и к интендантам теперяча не подпустим, – заверил подпоручика пожилой егерь. – Да он опосля своего последнего конфуза у нас совсем уже смиренный стал. Никуда ведь более не лезет, вашбродь.

– Ешьте давайте, защитнички, а не то у вас каша остынет, – усмехнулся Егоров и поглядел на Федьку. Тот в это время чинно и смиренно вкушал свою пищу, всем своим видом показывая, как же далеко заблуждается их благородие, подозревая его в чём-то нехорошем.

Цыган всё же не выдержал и скосил своё тёмное око на подпоручика. На него смотрели всё понимающие и такие ироничные глаза командира. Федька поперхнулся и закашлялся. Со

всех сторон нёсся смех егерей, наблюдавших за этой немой сценкой. Смуглое лицо Лужина ещё сильнее потемнело, и он умоляюще поглядел на Алексея.

– Ладно, ладно, хватит заливаться, человеку вон спокойно поесть не даёте, – и, привстав со стула, Егоров постукал Цыгана по спине. – Кушай, Федя, кушай, не отвлекайся ты на них. Такой смиренный, тихий солдат, и мухи ведь не обидит, и чего это они только над тобою смеются? – В ответ ему разнёсся ещё больший раскатистый хохот.

– Приказом по главному квартирмейстерству армии, переводом в отдельную команду егерей сим днём зачисляются из Архангелогородского пехотного полка Савва Ильин, из Ингермаландского пехотного Зосима Галкин. Новые солдаты входят в десятки капралов Милорадовича и Андреянова, вместо погибших смертию храбрых на поле брани Анкудина Писклова и Ивана Брызгина, нашего Вани Кнопки.

– Помянем братьев-егерей, ребята. Картузы долой! Смирно!

Три с половиной десятка солдат разом сняли свои головные уборы, зажав их в левой руке, согнутой в локте. Правая в это время держала ружья в положении «на ремень». Строй замер под ритм барабанной дробы.

– Вольно! Встаньте в строй, егеря особой команды! – И двое новеньких заняли свои места в шеренгах.

Егоров прошёлся вдоль первой линии, которую занимал десяток Милорадовича. Все егеря были одеты единообразно, в серых шинелях, подпоясанных ремнями с нацепленными на них пистолетными кобурами, саблями или тесаками, ножами, кортиками-штыками и поясным подсумком под 40 патронов. На правом боку виднелась большая патронная сумка на перевязи, удерживаемая на левом плече жёлтым витым погоном. На левом боку дополнительный подсумок под две гранаты. Штаны прямого покроя, заправленные в укороченные кожаные сапожки. На голове чёрно-зелёные картузы в зимней опушке. У всех, кроме двух новеньких, с левого бока головного убора свисали волчьи хвосты, знак принадлежности к особой команде «волкодавов». За плечами основное оружие – укороченная егерская фузеза или нарезной штуцер. В этой шеренге Живана было аж целых четыре винтовки. Плюс пятую огромную винтовальную «дуру» вместе со своей фузеей держит здоровяк Ваня Кудряш. Ему можно ещё пару таких вот повесить, бывший кузнец пойдёт и их, и глазом даже не моргнёт – силен, однако, солдат!

– Ну что, братцы, как я и обещал, неделю после прихода с последнего дела вас ни я, ни высокое начальство не трогали. Отоспались, отъелись и отдохнули все от души. Начинается декабрь, и совсем уже скоро в Валахии запуржит да занесёт всё снегом. Грязь эта пройдёт, а значит, у нас начнётся зимнее полигонное учение. До апреля месяца, пока не просохнут дороги, нас вряд ли куда-нибудь определят, поэтому ввести в строй молодых и самим подшлифовать навыки время будет. А пока подладьте амуницию, перевязь, мундиры и всё своё оружие. На это даю вам неделю. Вот уже и под ногами твердеть начало, – и Лёшка ковырнул носком сапога землю. – И последнее, два штуцера из того трофейного и оставшегося от Вани закрепляем за наиболее искусными стрелками, барабанщиком, капралом Гусевым Сергеем и за тобой, Василий. Рано, конечно, ты в строй встал, тебе бы ещё недельку отлежаться с твоей просечённой спиной, но разве ж тебя удержишь?

– Да у Рыжего спина привычная, вашбродь, она поркою так у него задубела, что теперяча об ей можно даже клинки тупить, – пошутил Фёдор, и егеря заулыбались.

– Разговорчики в строю, Лужин. Я пока ещё никому слово не давал, – проворчал Алексей.

– Ладно, коли уже невмочь в избе отлёживаться, то можешь в строй вставать, Василий. Однако каждый вечер, перед «вечерней зарёй», чтобы мне спину показывал, а ты, Потап, за рядовым Афанасьевым проследи, чтобы у твоего солдата рана была бы в чистоте и всегда в полном порядке. Коли у тебя бязи мало, так вон у Гусева возьми и повязку на ней почаще

меняйте. Это, кстати, всех десятков касается, у кого опосля нашего последнего выхода таковые есть.

– Есть, вашбродь, прослежу за ранетым, не сомневайтесь. Самого, чай, уже не раз вылечивали. А под Журжей так и вообще из-за грязи чуть было на культе не оказался. Долечим Ваську, не сомневайтесь.

– Так точно, проследим за всем, – протянули вслед за Ёлкиным из строя все капралы, командиры десятков.

– Ну ладно, – кивнул подпоручик. – Итого по людям команда наша сформирована полностью. У нас в ней теперь пятнадцать штуцеров, не считая ещё дурынды Кудряша. Такого ещё ни в одной полковой команде и даже в целом егерском батальоне всей нашей империи нет, включая и столичную гвардию. Чай, не зря нас в Первой дунайской армии подчас штуцерной командой кличут. Здесь главное – умело использовать эдакое преимущество, но и помнить при этом ещё нужно, что скорость боя у нас с винтовальными стволами очень сильно падает, а это не всегда прицельным огнём перекрывается. Ну да ладно, о сим мы будем ещё дальше думать. Покамест же приводите себя в порядок и готовьтесь к долгим полигонным учениям. А теперь становись.

– Особая команда егерей – Равняйсь! Сми-ирно-о! Вольно, разойдись! – и строй солдат разом рассыпался на небольшие группки.

Глава 7. Фугас

– Курт, а если нам попробовать фугас смастерить? – Егоров сидел за столом и чертил карандашом на листочке простейшую фитильную мину.

Главный оружейник команды и присутствующий здесь же барабанщик Гусев отложили в сторону гранаты. Оба они увлечённо ладили их по тому же подобию, что уже раньше мастерили перед выходом на Журжу.

– Что есть фугас, Алексис? – Шмидт неловко дёрнул раненой ногой, поморщился и с интересом взглянул на исчерченный листочек Лёшки.

– Ну-у... вот это граната, – Егоров достал из ящичка уже готовый снаряд. – Поджигаем у неё фитиль, и считаем – айнс, цвай, драй, фир, а, ну-у... пусть даже фюнф – и кидаем – бабах! Пара злодеев поранено или убито, трое от этого зрелища потеряли боевой дух и капитулирен. Но что сделает одна, две или три маленьких гранаты против большого отряда противника? Да и тайно ты ведь их не взорвёшь, тебе же перед этим ещё и открыться придётся, а тут тогда и всякая неожиданность разом пропадает. Вот сколько в нашей гранате веса?

Гусев почесал лоб: – фунта четыре с четвертью, пожалуй, точно есть. Это уже после того как мы её там железной сечкой и дробинами загрузили.

– Да, – подтвердил Егоров, – тяжёлые они стали, зараза, оттого-то и метать их далеко стало сложнее. Тут можно либо уменьшать их вес, снижая в этом случае и убойную силу взрыва, либо ладить на них длинные ручки, чтобы был лучший замах. Но сейчас я не об этом вам хочу сказать. Ладно, при ближнем прямом бою с врагом, когда нам нужно выбивать его живую силу, эти гранаты ещё сгодятся. А если потребуется тайно взорвать одну мину так, чтобы разрушить как можно сильнее какое-нибудь здание или сооружение, или же разом выбить весь десяток, а то и другой противника, на большом расстоянии, ну скажем шагов за сто или даже за двести, тогда как с этим нам быть? Тут наших метательных снарядов будет, право, недостаточно, братцы. Вот и нужны нам будут фугасы большой силы взрыва и с хорошим замедлением, дабы подрывник успел подальше от опасности уйти.

– Вот их примерный чертёж, – и Алексей подвинул свой рисунок егерям. – Этот металлический овальный цилиндр размером с хорошую дыню можно будет заправить смесью качественного артиллерийского пороха и пороховой мякоти. Если нужно рвануть сооружение, то поражающие части внутрь мы не вставляем, а всё там забиваем взрывчатыми веществами. Если же, напротив, нам потребно выбить живую силу, то мы заполняем его внутренности вместе с порохом картечью или металлической обрешью. – Егоров тыкнул карандашом в чертёж. – Вот сюда вот, зажимая пробкой, вставляем затем запальный шнур, и даже по его длине, учитывая время горения одного аршина или сажени, мы можем примерно рассчитать, через какое время огонь на запале достигнет начинки фугаса. И уже тут счёт пойдёт на хундерт (сто), а то и того больше.

В общем-то, всё тут было понятно, и молодые люди принялись обсуждать детали изготовления опытного подрывного снаряда.

– Ну и для вооружения нашей команды я испросил у главного интендантства армии три мушкетона, тромблона или три ручных картечницы, – делился новостями Алексей. – Они сейчас идут в основном на перевооружение абордажных партий морских экипажей и регулярной кавалерии. Для нас, егерей, они могут быть, конечно, обременительными, ибо весят немало, да и точность боя, такую как обычные наши ружья, они не дают. Зато вот в ближнем бою на 15, 20 шагов или же чуть меньше могут быть они оружием весьма полезным. Делают их сейчас у нас на Липецком и на Олонецком казённом заводах, так что думаю, что ближе к лету можно будет их и в Валахии ждать. А пока вот у господина Филиппова я один всё же выпросил, полюбуй-

тесь-ка, – и Лёшка достал из-за сундука интересное ружьё с небольшим раструбом на конце, которое по длине было короче штуцера.

Егеря тщательно его осмотрели. Курт, сидя на скамье, приложил приклад к плечу, прицелился в дальний угол комнаты и, зажмурив левый глаз, покачал вверх-вниз стволом, а затем и в разные стороны:

– Очень плохой прицел. Устойчивость нет. Приклад плохо прижимать плечо. Как можно стрелять такой ружьё?! – и он покачал в сомнении головой.

– Да сказал же тебе командир, пруссак ты наш хромоногий, что тут не о точности идёт дело, а о том, чтобы быстро покрывать большую площадь картечью, – взял в свои руки необычное оружие Гусев. – Я так понял, ударил из него в упор в толпу и потом в сторону откинул, чтобы другое оружие достать, так ведь, Алексей Петрович?

– Я не пруссак! – вспыхнул обиженный Курт. – Не каждый немец есть подданный короля Фридрих.

– Тихо, тихо, – потушил искру ссоры Лёшка, – вы оба по-своему правы, господа. В нашем деле это оружие не основное, а лишь вспомогательное, но освоить его и уметь им пользоваться тоже нужно, авось когда и пригодится оно нам.

Сергей просунул щепотку пальцев в широкий ствол мушкетона: – Командир, а раструб тут такой для чего, неужто чтобы разлёт картечи был больше?

Шмидт при этом только лишь ехидно фыркнул.

– Да нет, – улыбнулся Егоров, – это давнее и досужее заблуждение, Серж. Заряд ведь идёт по средней центровке всего ствола. Раструб мушкетона на разлёт картечи вообще никак не влияет, он тут нужен только лишь для удобства его заряжания. Вот ты сам посуди, сколько сюда нужно пороха и картечи засыпать, а затем ещё и пыжом всё это хорошо примять, здесь-то как раз таки и помогает такая вот форма дула.

– Ага, понятно, – кивнул капрал. – Интересное оружие. Было бы оно под рукой в последнем бою, помогло бы нам сипахов проредить, когда они как ошалелые за своим полковником к дому пёрли. – Тут уже возражений не было и у вечного спорщика и скептика Курта.

– Ну ладно, – подвёл итог подпоручик. – Тебе, Оттович, как только твоя нога подживёт, нужно будет приступать к изготовлению первых образцов фугасов. Сделай для начала полупудовые снаряды и на разрушение сооружений, и против живой силы. Просчитай время горения запального шнура. Ну и вообще, как всё это вот удачнее соорудить. Коли всё здесь заладится и эти себя хорошо покажут, то уже для боя опосля вы пудовые смастерите. Тебе в помощь я определю Ваню Кудряша, он у нас из потомственных кузнецов родом, ему же потом и таскать на дальних выходах всю эту тяжесть. Так что подумайте, как их удобнее будет переносить. Ну и ещё пару человек порукастей из команды приглядите. По железу можно работать у кузнеца Дрэгоса в его кузне у оврага, у того, который ближе к озеру. Сам он только рад будет нам помочь, где-то серебряной монетой за свою помощь разживётся, где-то его железом одарим, а ему всё в его деле сгодится.

– Нет, – покачал головой Курт. – У мой дед Отто был прекрасный кузнечный горн в мастерской, всякий инструмент и многий приспособ. Я не хочу идти туда после всего что случилось, – и парень сглотнул комок в горле. – Мне очень больно там быть, но думаю, что дед был бы рад видеть сверху этот мой новый дел.

Когда Курт волновался, ему было трудно выражаться на русском, и Лёшка, положив на его руку свою, крепко её сжал. – Может, всё-таки к Дрэгосу, а, братишка? Не нужно пока беречь душу?

Оба парня посмотрели друг другу в глаза и замолчали. Их объединяло одно общее горе и потеря самых дорогих для них людей. И по своей сути они как-то само собой стали самыми близкими людьми, тонко понимающими и чувствующими друг друга.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.